

Арсен Даллан

МЕЖДУ НЕБОМ И ГАРАЖАМИ

СБОРНИК РАССКАЗОВ И ЭССЕ

Арсен Даллан

Между небом и гаражами

«Издательские решения»

Даллан А.

Между небом и гаражами / А. Даллан — «Издательские решения»,

Сборник из 24 рассказов и эссе. Общий характер — романтический экзистенциализм. Тема, связывающая рассказы в единый сборник — вера в человеческий дух, способной выстоять против размеренности будней — убийцы творческой сущности людей. В книгу вошли разноформатные работы: — короткие диалоговые зарисовки на пару страниц, — эссе на 2—4 страницы, — романтические сказки — рассказы на 5—10 страниц — несколько повестей на 20—40 страниц.

© Даллан А.

© Издательские решения

Содержание

Предисловие автора	6
Самосожжение	8
Женщины-планеты	13
Мелеют ли океаны?	16
Близнецы	19
Мой друг разбился насмерть и рассказал, как это было	24
Черный дьявол	30
Маленький взрыв	34
Работа	35
Небо	36
Купаясь в рыжем небе	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Между небом и гаражами

сборник рассказов

Арсен Даллан

© Арсен Даллан, 2016

© Анна Геннадьевна Козырева, дизайн обложки, 2016

© Данила Валерьевна Трубанова, иллюстрации, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие автора

Мы изменчивы, словно песчаный рельеф.

Нас меняют слова, решения, события. Будто ветер рисует на песке. Жизнь кроит нас по невидимым меркам. Но человек могуч. Бархан ждет бури.

Мы же сами создаем свои ветра, нам тесно в клетке из характера и привычек.

В поисках нового мы выходим за пределы себя, осознанно действуем вопреки сложившимся привычкам, комфорту и удобству, характеру и тем пераменту.

Вспомните, как ударили того наглеца или как сделали ей предложение. Решения могут быть разными: на одни уходит секунда, на другие – годы. Но такие поступки всегда выводят за границу нашего «я». Прорываются через страх – лучший из пограничников. У него холостые патроны.

Но зато как пугающе он орет: «Не пройдешь, граница на замке!»

Мы отступаем назад, пятимся в угол, где все просто и знакомо, туда, где были маленькими. Хотим найти ответы в детстве.

Когда-то оно дало нам силы для роста, но со временем они иссякли.

Как питательное содержимое ореха. Его хватило, чтобы пробиться из земли. Но уже появились корни, и вот расти нужно самому.

Человек могуч. Он не росток.

Побег не может выбрать почву. Его срывает случайный ветер.

Человек же сам создает условия для роста и поэтому несет великую ответственность за то, кем станет – изогнутой корягой или обнимающим небо великаном.

За свою форму в ответе только мы.

Даже обстоятельства не имеют никакого значения, ибо человек создан превосходить их.

Именно в этом и заключается наш ежедневный труд.

Обстоятельства не помеха и не помощь, все это – зерна в жерновах. В поисках нового мы освещаем участки души, скрытые доселе.

Путь этот опасен. Легко заблудиться в самом дремучем лесу из возможных. В лесу сомнений, меж знаний и незнаний.

Человек бесконечен. В нас с лихвой хватает и добродетелей, и пороков.

Как отличить одно от другого, если впервые открываешь для себя этот ландшафт? Что это? Разврат или желание, природа или извращение, честолюбие или достоинство, стремление или комплекс? Нужно прикоснуться, чтобы понять.

Дорога манит. Но не каждому дано пройти по ней.

Тот, кто не узнает свое отражение в зеркале, не смеет даже начинать.

Ибо неспособный найти свой угол в доме вовек не найдет свою планету во Вселенной.

Тот, кто держит в руках огонь щенячьего любопытства или корысти, обречен на самосожжение.

Но кого не сбить с толку кривыми зеркалами, кто освещает путь добротой, кто ищет знания для излечения боли, своей или чужой, лишь тот способен пройти по себе и стать настоящим.

Путешествуя по себе, мы колесим по странам, меняем образ жизни, общаемся с непохожими на себя людьми. Жизнь щедра. Она изливается возможностями познания. Нашедший истину для себя бережно передает ее другому, как огонь в холодную ночь.

Я всегда восхищался авторами, которые умеют филигранно раскладывать ощущения, переживания, мысли и страдания. Они говорят, и в их словах ты узнаешь себя, причем так отчетливо, что начинаешь оглядываться по сторонам, – кажется, будто кто-то наблюдает за тобой.

А когда попадаете описание будущего, хочется побыстрее захлопнуть книгу. Так невыносимо следить за тем, как хирурги разрезают и раскладывают по частям то, что тебе казалось настоящим чудом, – собственную жизнь.

Они видят тебя насквозь.

Для них мы – живой материал.

Поэтому твоя гордыня восстает, и ты ныряешь так глубоко, как только можешь, ищешь в глубине себя такие черты, до которых великие умы не смогли б добраться. Жизни не хватит! И наконец находишь в себе то, что не поддается классификации. То, что превращает обычного человека из толпы, единицу статистики, в тебя. И ты уже не можешь быть измерен общей линейкой, спрогнозирован общими моделями. У тебя больше нет формы и размера. Бесконец и всеобъемлющ. Именно ты и то, что делает тебя тобой.

Поэтому каждый раз, открывая книгу, мы начинаем искать в себе никем еще не описанное и нам самим неизвестное. Это и есть начало путешествия по себе.

Самосожжение

– Он сейчас себя подожжёт, ну сделайте же что-нибудь! – женщина перешла на визг. – Ну что же вы смотрите!

Толпа окружила несчастного, приблизившись ровно на такое расстояние, чтобы видеть огонь, но не обжечься.

Мужчина сидел на коленях. Нет, не в позе лотоса. Он не был монахом. Обычный мужик.

Никто не понимал причину его протеста, и неясно было, протест ли это вообще. Прижав к груди пустую канистру, женщина надрывно кричала: «Он облил себя бензином! Всю канистру вылил! Помогите, ну кто-нибудь! Господи, что делается, где же милиция?»

Милиция была рядом, в толпе, но и она не знала, что делать.

В то время самосожжение было вещью непривычной. Наверное, это был первый случай. Это теперь поджигать себя стало нормальным делом, а тогда все это было в диковинку.

Мужик сидел с закрытыми глазами, офисная рубашка и брюки были полностью пропитаны бензином. Волосы слиплись.

Чиркнула зажигалка. Круг зевак расширился на полметра. Несколько искорок вылетело, но ничего не произошло. Народ притих и замер.

Смертник чиркнул второй раз, и появился язычок пламени. Взрослые закрыли глаза детям, женщины застонали. Та, что голосила громче всех, заткнула рот кулаком.

Несчастный поднес зажигалку к сердцу – и пламя вспыхнуло, превратив жертву огня в факел высотой в человеческий рост. Сразу же запахло гарью. Мученик сидел неподвижно: не вскочил, не закричал, не начал бегать. Кожа на его теле жарилась и чернела. Через полминуты он, все еще объятый язычками пламени, повалился набок. А еще через пару минут огонь погас полностью. Запах горелого мяса быстро распространился по улице. Люди в оцепенении молча расходились, разрушая почти симметричный круг. Они не верили, что все закончилось. И были немного раздосадованы, осознав, что человек горит всего минуту.

Уходили, потупив взгляд, не произнеся и слова и не понимая причины произошедшего. Для чего? Во имя чего? Какие были его требования? Лежала ли в основе его акта самосожжения какая-то идея?

Неизвестно.

Известно, что это был вторник, 11.00 утра.

Известно, что с виду это был обычный мужчина, лет тридцати двух. Позже станет известно, что звали его Денис.

Ничем не отличающийся от нас Денис.

Но именно он сделал самосожжение явлением будничным. Именно после него это стало нормальным и настолько привычным, что через год о подобном перестали рассказывать даже в теленовостях. А спустя три года это стало общественной нормой. Восемь из десяти граждан в возрасте от 30—35 лет сжигали себя самостоятельно. Для этого даже построили специальные крематории в центре города: огромные, из стекла и бетона, высотой в двадцать-тридцать этажей каждый.

В одном из таких крематориев поздним вечером, когда все офисы на этажах опустели, шеф резюмировал наш двухчасовой разговор:

– В общем, Арсен, надо очень постараться сделать презентацию до среды! Интонации генерального директора были убедительными. Сегодня вечер понедельника, а это значит, что впереди меня ждали две бессонные ночи. Опять придётся отложить встречу с мамой. Уже три месяца не можем поужинать вместе. Хоть и живем теперь в одном городе. Раньше мама жила в Уфе. Но я уговорил ее переехать в Москву под предлогом, что будем видеться чаще. Выходит, обманул – чаще видеться не стали. Работа, работа, работа...

Я откинулся на кресло, протер уставшие глаза. На мониторе мерцала недоделанная презентация.

Нужен перерыв, голова лопается. Я свернул окно и зашел в социальную сеть. Без мыслей, с пустой головой листал ленту – замена медитации. Но вдруг замер. Кто-то выложил старую запись с площади, где мужчина сжигает себя на глазах у толпы.

Автоматически кликнул на просмотр. Видео было ужасное и притягательное одновременно: пустые глаза самоубийцы, безучастное, отстраненное лицо. Он был настолько спокоен, будто собирался сделать обычный омлет на завтрак.

Что же должно быть у человека на сердце, чтобы так запросто облить себя бензином и поджечь? Оказывается, ничего. Именно ничего: сердце должно быть пустым.

Раздался звонок – это была мама, она извинялась:

– Прости, сыночек, что отвлекаю, просто очень соскучилась! Понимаю, что ты работаешь, что это важно, просто мне надо хотя бы твой голос услышать! Уж извини!

Внутри оборвалась струна. Да что же это такое?! Неужели я не могу уйти из офиса, если есть непрочитанные письма? Как я мог проглядеть? Как я мог не заметить, что часть заняла место целого? Вытеснила то, что делает меня человеком. Общение с живой мамой, например.

– Мама, что ты такое говоришь? Не извиняйся ты! Я и сам рад тебя слышать! А еще лучше – видеть! А давай через час встретимся в том французском ресторане?

– Ой, ты серьезно, сынок?

Удивлению и радости не было предела, как будто я на Луну предложил слетать. Как же стыдно!

– Конечно, серьезно, я уже выхожу.

– Ох, и я, и я! Целую, родной!

Я повесил трубку и посмотрел на часы: половина девятого. Пробки еще не рассосались. Да-а... С часом на дорогу я, конечно, погорячился. Но раз сказал – надо успевать.

Вскочил из-за стола, бросил на нем все как есть и помчался к парковке. Но застрял у лифта. Как же он долго едет! С ума сойти! Еще раз проверил время.

Осталось 50 минут. Черт, куда делись эти десять минут?

Когда начинаешь следить за временем, то понимаешь: тебя кто-то дурит, кто-то точно мухлюет со стрелками часов!

Сколько я не видел маму? Месяца три, вроде. Изменилась, наверное. Что делал я три этих месяца?

Вроде ничего, просто работал. А на работе что? Да ничего особенного: проекты, текучка. Не коллайдер же запускаю.

Черт подери, я же сам себя сжигаю! С серьезным лицом я служу шутовским целям. Каждодневные задачи маркетолога внутри компании примитивны: проверить, совпадают ли цвета, написать звучную фразу, нарисовать листовку, ответить на письмо, встретиться с этим, убедить того-то. Примитив!

Будничные цели так малы, а труд столь тяжок. Похоже, будто топят печку резными японскими истуканчиками. Я – один из них.

Наконец-то парковка. Вот машина.

Прошло 15 минут, а я еще из здания не выбрался. Черт бы побрал эти небоскрёбы! Выезжаю.

Ну что ты тупишь, мадемуазель у шлагбаума, быстрее!

Ну, ближе подъезжай, ну не дотягиваешься же ты до автомата! Я еле сдерживался.

Еще ближе. Да, вот так. Ну наконец-то! Навигатор показывает, что пробок нет.

Гоню со всей дури, наплевать на штрафы: надо приехать раньше мамы. Обгоняю, как студент с девчонками на заднем сиденье. Мог бы перепрыгивать машины – обгонял бы сверху.

Мне моргают фарами, сигналият – плевать! Включил аварийки, и – педаль в пол.

Вроде успеваю.

Смотрю на часы, а про себя продолжаю думать: а ведь и правда, как дровишко в печи. Горю без остатка. Не сплю ночами, забываю покушать, сижу до ночи в офисе, не вижусь с друзьями, ругаюсь с женой.

– Да-а, черт подери, я – отличное топливо! – это уже крикнул вслух, совершая очередной обгон.

Меня уважают без меры за то, что горю без остатка, как истинный профессионал.

А может, к черту их уважение?

– Пошел с дороги, ублюдок, на тебе!!! – я показал неприличный жест водиле, который долго меня не пропускал на своем безразмерном джипе. Он просигналил мне в ответ, но меня уже и след простыл.

До встречи полчаса. Ехать еще минут 15. Отлично, успеваю, все идеально, можно так сильно не торопиться. Всю жизнь тороплюсь: побыстрее бы добраться до цели! Хотя и понимаю все прекрасно, отлично понимаю, что целей для нас припасено на сто жизней вперед. Понимаю... Вот только толку от этого понимания никакого. Живу все равно по-другому.

Помню, как дядя со шрамом на подбородке мне в детстве рассказывал байку про то, что в мире все повторяется. Он говорил так: «Наше время закончится, и то, что не успеем мы, будете делать вы – наши дети. Пока и ваше время не выйдет. И тогда за дело возьмутся ваши дети, наши внуки. Но и их время пройдет, и тогда подключатся правнуки. И вот они все будут делать с двойным азартом и с двойным рвением. Они будут уверены, что все сами придумали и делают это впервые».

После этих слов он обычно смеялся и добавлял: «Они-то ведь не будут знать, что время всегда заканчивается раньше!» Да, юморист у меня был дядя. Сто лет его не видел. Где он сейчас? Жив ли вообще?

Но стоп: что это там впереди? Пробка! Не может быть! Навигатор показывает, что все чисто. Обманывает, стало быть, подлец!

Только я доехал до скопища машин, как навигатор обновился и показал беспросветную пробку до самого конца маршрута.

Автомобили не двигались, стояли как вкопанные.

«Будь ты проклят!» – ругался я на телефон и клял разработчиков на чем свет стоит.

Так я точно не успею. Простою в пробке не меньше часа, а до встречи осталось 20 минут. Как назло, я только что проехал последний съезд с шоссе, и развернуться уже не представлялось возможным.

Что делать?

Я заблокирован со всех сторон. Даже не припарковаться.

Ничего не поделаешь – надо звонить маме, отменять встречу. Потянулся за телефоном, выбрал номер мамы из списка, но позвонить не поднималась рука.

Сердце колотилось. Я представил, как мама расстроится. Она, наверное, уже на полпути в ресторан. Представил, как она наряжалась, как напевала себе под нос какие-то веселые песенки. Она всегда так делала, когда собиралась на праздничные мероприятия. Я помню, как она весь вечер пела, когда шла со мной на выпускной. А я только и думал, как бы скорее скрыться от ее излишне любящих глаз и выпить с пацанами.

Нет, только не сегодня. Сегодня я ужинаю с мамой. Делайте что хотите! Хоть бомбу сбрасывайте! Но сегодня я ужинаю с мамой – и точка!

Я заглушил мотор – аварийки продолжали моргать, забрал из машины сумку и, делая вид, что скоро вернусь, сбежал с дороги. Вслед мне сигналили, кричали что-то, но я бежал к обочине, увеличивая темп.

До ресторана было километров шесть. До ближайшей дороги, с которой я смогу поймать машину, – четыре. Если буду бежать изо всех сил, то опоздаю несильно.

Как умалишённый, я несли по асфальту, по земле, по гравию. Перепрыгивал кусты, перелетал через заборы. Бежал, не останавливаясь. Пока не споткнулся о бордюр и не упал. Растянулся на асфальте. Расшиб локоть и порвал пиджак. К черту пиджак! Я снял его и выкинул. Даже не проверил, что в карманах.

Я не мог думать ни о чем, кроме мамы. С ужасом представлял, как она сидит одна в ресторане, в котором у нее не хватит денег заказать даже минералку.

В одном из дворов я увидел подростков на мопеде. Не считая, я сунул в их руки пачку денег, и мы поехали.

Уф-ф, теперь успею! Есть даже время отдышаться.

От езды на мопеде мои волосы стали похожи на гнездо, а брюки от брызг покрылись пятнами и стали похожи на раскраску далматинца.

Конечно, я этого ничего не замечал. До обозначенного времени оставалось четыре минуты. Надеюсь, мама, как настоящая женщина, сама опоздает.

Отлично: вот и ресторан! Молодчина пацаненок – мастерски объехал все светофоры и пробки. Настоящий хулиган! Остановились мы метров за пятьдесят от заведения – мне нужно было привести себя в порядок и не спалить «такси», на котором приехал.

Прилизав волосы и кое-как отряхнув свои грязные брюки, зашел в зал. Мама сидела за столом.

Сердце упало: опоздал! Ну как же так? Стрелки часов показывали в аккурат тридцать минут десятого. Должно быть, мама пришла пораньше. Но времени расстраиваться не было. Мама заметила меня. Как же она заулыбалась! Вскочила из-за стола, наплевав на этикет, и выбежала мне навстречу.

Обняла прямо посередине зала...

Я боялся, что за три месяца она постареет. Но нет: она была все такой же. На щеках румянец, морщинки не увеличились, как появились лет десять назад, так как будто и застыли. Глаза сверкают, широкая открытая улыбка, аккуратная стрижка. Серое платье с пиджачком отлично подходило ей по фигуре.

Мы не могли наобниматься.

Первой отступила мама и, окинув меня взглядом, спросила:

– Что с тобой, сынок? Почему ты весь мокрый и взъерошенный?

– Да ничё, мама! Просто решил пробежаться после работы, а то ведь я все время сижу перед компьютером.

Мама сделала вид, что поверила. На самом деле ей это было не так важно. Она видела, что я жив-здоров и счастлив, и для нее это было самое главное. Мы просидели за столом до поздней ночи. Пили шампанское и болтали обо всем на свете. Мама, как обычно, рассказывала мне, какой я был маленький, какие у меня были светлые волосы и как смешно я разговаривал. Я же делился событиями своей жизни. Говорил, что много работаю, что, как и все в большом городе, просто горю на работе, никуда не хожу и боюсь, что так пройдет вся жизнь и ничего от меня не останется.

На что мама сказала только одно:

– Не бойся гореть, сынок! Не жалея огня. Просто всегда помни, что ты им освещаешь и кого греешь!

Затем переменила тему, но этой одной фразы мне хватило. Улыбнулась и начала рассказывать, как у них в деревне кот гоняет собак. Что он рыжий, огромный и одноглазый, а когда выходит во двор, все псы разбегаются по конурам. Говорила о том, что установили новый насос и теперь чистейшая вода качается с артезианской глубины. Рассказала, как дела у бабушки с дедушкой, как они скучают и спрашивают, когда я приеду. Потом с гордостью продемонстрировала на экране своего телефона фотографии яблос с дерева, названного некогда в мою честь. Фотографий было штук двадцать.

Я слушал, улыбался и грелся.
Мама сияла, как настоящее солнце.

Женщины-планеты

Дело было в небольшом австралийском городишке. Зашел вечером в маленький бар снять усталость после долгой дороги.

Глоток за глотком: я чувствовал, как ледяной «Манхэттен» наполнял меня новыми силами.

В баре былолюдно. Много мужчин и особенно девушек. Разных. И посимпатичнее, и так себе.

Я сидел у стойки с диктофоном, по привычке надеясь поймать собственные мысли.

Вечер набирал обороты: посетители выпивали, покидали столики и начинали танцевать.

В общем-то австралийская глушь немногим отличалась от российской. Я начал приглядывать себе дамочку. Выбирал из трех.

Все брюнетки: блондинок растащили по столам еще до того, как я покончил с первым коктейлем. Одна брюнетка была смуглой, невысокой, с большой круглой попой и полными бедрами. Наверное, она была старше двух других. Волосы до плеч, пухлые руки, темные глаза на круглом лице с ярко накрашенными губами. Про себя я назвал ее донной Ритой и поставил третьей в очереди.

Второй была стройная молодая девушка. В мой список она попала, потому как стояла ко мне все время спиной. Ее узкая талия, точеная спинка и спортивные ножки завораживали. Но стоило ей повернуться, как все достоинства вмиг ушли со сцены: у девушки буквально не было груди! А на лице читались следы всех пороков со времен Адама и Евы. Но и мои помыслы были отнюдь не невинными, поэтому второе место она сохранила. Первое же заняла миловидная невысокая девушка со светящейся улыбкой.

Она не обладала выдающимися формами, но за такую улыбку ей можно было простить, пожалуй, все на свете!

Я смотрел на нее и пытался перехватить взгляд.

– Не мучайся, угости выпивкой! – голос принадлежал двухметровому блондину в грубой шляпе.

Он только что зашел в бар и, еще не успев заказать выпить, провел рекогносцировку местности, бегло окинув взглядом заведение.

– Двойной ром! – Незнакомец повернулся ко мне, облокотившись о барную стойку.

– Даже и не гадай. Бери коктейль и угощай красотку! Тебе повезло, что она еще свободна.

– Вы ее знаете? – я подумал, может, это ее знакомый.

– Я только приехал из Новой Зеландии и тут впервые, мистер...

– Арсен.

– А меня зовут Листерд, – здоровяк протянул свою ручищу. Моя ладонь исчезла в рукопожатии.

Листерд оказался торговцем животными в крупном зоомагазине. Выяснилось, что он приехал в Австралию навестить бабушку, пока та не отошла в мир иной.

Хороший парень. Мы выпили с ним как следует, и за разговором я не заметил, как всех моих избранниц увели у меня из-под носа коварные местные самцы. Спыхватился лишь тогда, когда увидел, что моя пассия номер один уже сидела на коленях у какого-то усача.

– Знаешь, – сказал я своему новому другу в сердцах, – вот все же есть в женщинах некая толика блядства. Вот в каждой! В ком-то больше, в ком-то меньше. Но есть у всех.

– Не хотелось бы так думать, но, наверное, ты прав.

– Да. И нужно просто уметь ее раскрыть. Знать подход и время правильное.

Всем моим избранницам налили текилы, и те заправски махнули стопки, даже не поморщившись.

– Не удивлюсь, что через год они станут прилежными мамашами. И тогда ты хоть тресни, но не сможешь ни одну из них затащить себе вот так вот на колени. А сейчас нате, пожалуйста! – я кивнул в сторону столиков, где уже вовсю обжимались новоиспеченные парочки. – Вот об этом я и говорю.

– Мда-а-а... За то, чтобы блядство было явлением временным! – Листерд отшутился тостом.

Повисла глупая пауза.

Я поймал себя на мысли, что всерьез расстроился из-за девчонок. Как они так могут? С первым встречным? Сидеть на коленях и пить текилу взахлеб. Ну разве это нормально?

Но тут же осекся: стоп! Что за глупости, ты ведь сам проделал бы с ними то же самое, будь чуть порасторопнее. Ты ведь сам такой же, только в штанах! Я улыбнулся, настроение вернулось.

– Знаешь, и у мужиков тоже есть это – блядство. Может, даже и больше, чем у женщин.

Листерд повернулся ко мне и нахмурился. Он пристально посмотрел и как-то не по-доброму спросил:

– Что ты имеешь в виду?

Мне стало не по себе. Меньше всего на свете я хотел оскорбить человека его комплекции.

– Ну, я имею в виду, что и мужчины тоже ведут себя так же развязно и похотливо. Так что не стоит упрекать в этом женщин.

Я старался быть максимально обтекаемым и перестал материться.

– Знаешь, я думал об этом, – спокойно, но все еще хмурясь, заговорил Листерд, – понимаешь, Арсен, блядство у мужчин часто путают с одной характерной чертой, с очень интересным явлением.

Отлично, он не обиделся. Это просто его задумчивое выражение лица. Я расслабился и приготовился слушать. Кажется, ему захотелось поделиться со мной мыслями.

– Под блядством мы понимаем безразборчивую связь, где главное – физическое удовольствие. Так?

– Так.

– Это относится и к мужчинам, и тем более к женщинам. Так?

– Ну да.

– Мужики все время хотят новую и не могут сделать выбор. Идут на поводу у своего тела. Это есть блядство. Да?

– Да, – я начал поддакивать автоматически, ведь ничего нового.

– Вот. Я это не уважаю.

– Да ну? А по тебе и не скажешь!

Листерд расправил плечи и цыкнул.

Чертов ром до добра не доведет. Надо помалкивать.

– Не-е, я это не поощряю. Это низко. Но есть категория мужчин, которые со стороны очень схожи с Казановами, донжуанами и прочими известными блядунами. Но это – совсем другие люди.

– Так-так, и кто же это, по-твоему?

– Путешественники.

– Кто, простите? – я аж поперхнулся.

– Путешественники! Они видят в женщине новую планету, остров со своей историей и рельефом. Для них каждая женщина – это новое открытие. Такие люди познают женщину и все, из чего она состоит.

– Было бы что познавать... – съехидничал я и заказал еще пиратского пойла.

– А знаешь, зря ты так! – опять нахмурился здоровяк. – Познавать есть что и очень даже много чего. Возьмем, к примеру, отношения с родителями. Они же сильно влияют на жен-

щин! Знаешь, как интересно понять, почему они именно такие, как складывались и что влияло на них?

– Очень интересно, а что еще?

Листерд посмотрел на меня внимательно, проверил, не подтруниваю ли я над ним. Но мне было действительно интересно. Он улыбнулся и протянул бокал – чокнуться.

Выпили, и он продолжил.

– Да много чего. Страхи, желания, цели и амбиции – не у всех они одинаковые. У многих свой особый набор. А еще знаешь, что меня поражает: различное представление о добре и зле. Вроде у всех оно должно быть одинаковым. А копнешь – и оказывается, что разное! Еще у многих женщин разное понимание того, как надо жизнь прожить. Да, я тебе точно говорю.

Я слушал, не спорил. Хотелось, чтобы великан рассказал все, что знает.

– У всех разная теплота, точно как у звезд! – он улыбнулся. – Разная нежность, и у всех своя, особенная ласка. Ох, всего не перечислишь. Говорю тебе: целые планеты! Некоторые мужчины познают все это, как первооткрыватели, как Колумбы. Движет такими не похоть, а жажда познания. Я перестал пить, только кивал и втихую включил диктофон.

– Потому что через множество других людей мир разглядеть можно гораздо лучше. Глупо на него смотреть только своими глазами, да? И в этом плане женщины – отличный способ познания.

– Ты говоришь, конечно, очень красиво. Но что-то я сильно сомневаюсь, что в мире вообще есть мужчины, которые общаются с женщинами ради какого-то там познания.

Краем глаза я увидел, что мою даму номер один некий щетинистый недотепа лапает за внутреннюю сторону бедра. Вот же ведь негодяй! Мою девочку!

Но Листерд вернул мое внимание, ударив по стойке так, что задрожали бокалы на другом конце бара:

– Есть такие мужчины! Даже не сомневайся! И нельзя их называть блядунами. Разве это гуляки, разве похотливые самцы? Скажи мне?

– Нет, это и впрямь скорее Хейердалы.

– Точно! – красавчик хлопнул меня по плечу. – Это Гагарины!

– Это Колумбы!

– Это Жаки-Ивы Кусто! Они изучают глубины нашего мира из бездны женских глаз.

– О, отличный тост. За мужчин-исследователей!

Мы выпили, повернулись в зал лицом в надежде утвердить теорию на практике и найти пару неведомых нам планет. Но, к сожалению, мы слишком долго болтали: свободных девушек уже не осталось.

В этот вечер каждому из нас было суждено исследовать лишь собственные холодные постели.

Мелеют ли океаны?

Мы огибали залив Атлантического океана, путешествуя вдоль побережья Португалии. В яхте нас было семеро. Те еще морские волки. В открытом море – впервые. Штурвал – в диковинку. Мы катались в трехстах метрах от берега на двадцатиметровой, взятой напрокат яхте.

Это продолжалось четвертый день. И мне лично уже порядком надоело. Наша яхта в этих водах выглядела подобно седлу на корове: так же нелепо. А ведь когда-то в этих широтах проживали свою полную опасностей и отваги жизнь настоящие моряки, пираты. Герои моего детства, я грезил ими, подолгу предаваясь мечтам о том, как покоряю океаны. Когда-то слово «корабль» было для меня как волшебное заклинание. Таинственное, сулящее чудо.

Теперь же семь клерков из страховой и банковской сферы катаются на видимом расстоянии от берега, попивая пиво из жестяных банок. Карикатура на детскую мечту.

От работы с лебедкой ужасно ныли ладони, заканчивалось пиво, да и постоянная качка уже казалась весьма сомнительным удовольствием. Наши разговоры и шутки начали повторяться. В общем, надо было выходить на берег, занимать шезлонг и становиться наконец самим собой. Хватит играть в моряков. Решили пришвартоваться в первом же месте, похожем на причал. Им оказался сбитый из бревен старый перекошенный пирс рядом с захудалой португальской деревушкой, которая вряд ли могла насчитать и полсотни домов.

Мы пришвартовались и пошли искать еду, ночлежку и выпивку: что еще нужно семерым белым воротничкам на отдыхе? Все это мы нашли в одном месте – семейном ресторанчике, второй этаж которого был отведен под небольшие номера.

Изрядно утомившись от своих спутников, я решил уединиться. И провести вечер, шатаюсь по деревне, в надежде увидеть что-нибудь интересное. Оставив своих спутников наедине с сочными стойками и прихватив с собой бутылку молодого вина, я отправился в путь, навстречу приключениям. И был бы этот вечер ничем не примечательным и не отличался бы от сотни таких же, когда я хмелел под шелест мыслей, если бы не встреча с Паоло.

Я почти осушил свою бутылку, когда шум моря дополнил чей-то крик. Стояла поздняя ночь, но было звездно, и луна светила изо всех сил, благодаря чему я смог различить силуэты людей метрах в тридцати от себя. Было похоже, что там кого-то тащили. Но откуда и куда – не разобрать. Слышна была возня: наверное, пленник сопротивлялся. Раздавался громкий женский плач. Что-то кричали, но слов было не разобрать. Единственное, что я различал, – это имя, которое женщины произносили навзрыд: «Паоло! Паоло!»

Не в силах больше оставаться в стороне, я побежал навстречу. Метров с десяти уже можно было рассмотреть происходящее получше: две женщины тащили мужчину, у которого в боку торчал настоящий гарпун со сломанной на треть рукояткой. Мне, сухопутному, он напомнил черенок от лопаты. От увиденного у меня сперло дыхание, сердце екнуло. Все оказалось хуже, чем я представлял. Это был не обычный пьяный скандал, а настоящая трагедия. Обе женщины плакали не переставая. Они тащили на себе раненого. Нетрудно было догадаться, что одна из них была женой, а вторая – матерью.

Я перехватил молодого человека у его матери. Старуха была так обессилена, что, едва освободившись от ноши, упала на колени. И понятно почему: Паоло был сложен как атлет. Его рука была вдвое толще моей, кисть размером с медвежью лапу, а рост его был выше двух метров – мне приходилось постоянно приподниматься на цыпочках, чтобы ноги пострадавшего не так сильно волочились по земле.

Парень был без сознания. Его длинные волосы полностью закрывали лицо.

«Вы вызвали скорую?» – спросил я на английском.

Та, что помладше, ответила мне, что у них нет мобильного телефона, и поэтому они хотят сначала отнести Паоло домой. Очевидно, что это была не лучшая идея, ведь с каждым шагом

раненый ослабевал все сильнее. Было темно, но я мог разглядеть на песке полосу крови, которую оставлял за собой несчастный. До дома он не дотянет. Я набрал номер службы спасения, оператор пообещал, что машина будет через десять минут, и попросил нас оставаться на месте.

Но просто ждать мы не могли. Нужно было срочно вытащить гарпун и перевязать рану, иначе шансов дотянуть до больницы у мужчины было немного. Гарпун засел глубоко, на две трети свой длины. И наверняка задел какой-нибудь жизненно важный орган. Я не силен в медицине и совсем не знаю строение и расположение внутренних органов: где селезенка, где печень. Но я понимал одно: если мы немедленно не остановим кровь, Паоло уже ничто не спасет.

Мы положили несчастного на землю, предварительно расстелив на ней платок его матери. Я разорвал рубаху в том месте, где была рана.

От увиденного я стиснул зубы: рана была ужасной. Закружилась голова, то ли от запаха крови, то ли от выпитого вина.

«На счет три!» – крикнул я. Женщины замерли, я схватился за гарпун. «Один, два... Три!» – и я что есть силы дернул гарпун на себя. Наверное, не надо было дергать так сильно, но я перестраховался. Гарпун выскользнул из раны, и я, не рассчитав силы, повалился на песок. Женщины завизжали и заплакали еще громче. Я поднялся и рявкнул не своим голосом: «Не паниковать!»

Это подействовало: они замолкли. Схватив бутылку, я начал лить на рану вино. Не знаю, правильно я делал или нет. Кровь хлестала. Но меня уже пугал не вид крови, меня пугало, что ее фонтан заметно ослабевал. Я с трудом перевязал рану и, обессиленный, рухнул рядом с Паоло.

Было темно, я чувствовал, что руки были в крови. Всего трясло от холода, а им было тепло.

«Как это произошло?» – чуть отдышавшись, спросил я женщин. Они переглянулись, но не смогли мне ничего ответить. Видимо, они сами не понимали, что стряслось.

«Паоло ушел в море один, – рассказывала молодая женщина, – хотя обычно он ходит на рыбалку с соседями. Его не было целый день. А затем он вернулся с уловом, выгрузил все на кухню и молча, не говоря ни слова, снова ушел. Часа через три, уже ближе к закату, мы решили отправиться на поиски. Мы нашли его у лодок, в воде, лицом вниз. Из правого бока у него торчал сломанный гарпун».

Женщина не смогла продолжить рассказ, потому что в этот момент Паоло закашлялся. Сначала он просто кашлял, а затем, повернувшись на бок, начал раз за разом выплевывать: казалось, что из него вышло сразу несколько литров воды.

Как я сразу не догадался, что Паоло наглотался воды! Толку-то от моей возни с раной, если парень вернее мог умереть от удушья...

Полностью откашлявшись, несчастный приподнялся на локти и застонал. Только сейчас он заметил, что ранен. Оглянувшись по сторонам и не узнав моего лица, он как будто разочаровался.

Ни о чем не спрашивая ни меня, ни женщин, он начал говорить. Медленно и обрывисто, то шепотом, то вдруг резко переходя на крик. Скорее всего, он просто бредил. Рыбак потерял много крови и чудом не задохнулся. Он долгое время был без сознания и сильно ослаб. Не нужен был термометр, чтобы понять: у Паоло сильнейший жар.

И хотя каждый понимал, что долгая речь не пойдет ему на пользу, никто не посмел его перебить. Потому что пока Паоло говорил, он жил.

«В детстве я стоял на берегу. Передо мной была бескрайняя синева, и ветер подгонял волны. Тогда я верил, что только мне под силу погрузиться в пучину этого океана, опуститься в самые темные его глубины, познать все, что он таит в себе. И мне было плевать, что многие пытались переплыть его раньше, что миллиарды людей уже ныряли в его пучину. Я был уверен, я чувствовал каждой своей клеточкой, что именно мне удастся заплывать дальше всех. Я был

уверен, что могу нырнуть и достать до самого дна...» – на этих словах Паоло попытался сесть. Я хотел помочь ему, но он оттолкнул мою руку с такой силой, что я опять повалился на песок.

«...прогуляться по нему, как человек-амфибия. Я верил, что только мне суждено познать саму сущность океана. Овладеть всеми его богатствами, да что там богатствами... Толку-то от жемчуга и золотых монет, когда ты владеешь его тайнами... Когда знаешь, как бьется сердце океана, из чего состоит его дух, понимаешь его законы...» – Паоло снова приподнялся и повернулся в сторону воды. Но глаза его были закрыты. «...когда ты молод, ты это чувствуешь... Не-е-ет, – рыбак повысил голос, – это не гордыня. Нет! Не это позволяет думать, что тебе под силу покорить океан. Нет, это жизнь, – продолжал бредить мужчина, – именно она заставляет тебя верить, что если уж и стоит плавать, то в самых глубоких водах, и уж если и стоит нырять в пучину, то только с самого высокого утеса. Желание окунуться в самое нутро океана, не тратя время на прибрежные воды...»

Паоло замолчал, теперь его глаза были широко раскрыты и смотрели вдаль. Куда-то поверх луны и неба. Свет звезд озарял лицо рыбака, будто свеча икону. Глаза Паоло не скрывали боли. Но не острие гарпуна было тому виной. Ни один клинок в мире не смог бы нанести рану страшнее той, что терзает изнутри.

«Затем ты взрослеешь, набираешься сил и ныряешь. Стремительно плывешь, и у тебя все получается, и вот уже исчез с горизонта берег, и меньше чаек летает над головой. Нет уже и других пловцов. И ты думаешь, что все у тебя получится, что ты выбрал правильный путь. Ты ныряешь глубже и глубже, в надежде окунуться в такие глубины, где еще никто не бывал, и ты веришь, что в них тебе откроется тайна океана», – после этих слов Паоло замолчал. Взглядом указал мне на бутылку с остатками вина. Промочив горло, продолжил неспешно, но чуть громче. Он говорил ровно, и казалось, что рана совсем не мешает ему.

«Но вдруг в один момент что-то ломается. Что-то происходит. Неуловимое. Ни взгляду, ни сердцу. Что-то меняется. Непонятно, случилось это только что или давно. Но ты замечаешь, что воды в твоём океане по колено. Так мало, что ты можешь просто стоять на дне и вода будет омывать тебе ноги. Мутная и горячая. Куда исчез океан?! Таинственный, пугающий! Настоящий! И откуда, черт побери, эта лужа?! Я вас спрашиваю!» – закричал Паоло, обращаясь ко мне и женщинам. Мы вздрогнули и замерли. Несчастный посмотрел мне в глаза: казалось, что он был слеп, потому что смотрел не на меня, а куда-то сквозь меня. Не уверен, видел ли он вообще мое лицо.

Не дождавшись ответа, рыбак продолжил: «Я добрался до самого дна океана, понимаешь?! До его сущности, как мечтал. Но мою голову напекает солнце. Ноги в океане, а голова упирается в небо. И ветра больше нет! Где мой океан!? – Паоло уже просто хрипел, как обезумевший. – Где моя бездна?! Где мой ветер? Как я мог потерять целый океан?! Бескрайний, бездонный, со штормами, волнами, величиной с дом». На этих словах рыбак начал говорить тише. Было видно, что кричать у него не было больше сил. Он снова повалился на спину и продолжил почти шепотом, иногда вздрагивая, как в лихорадке: «Куда он делся? Обмелел?»

Под конец мужчина говорил еле слышно. На уголках рта появилась пена, глаза закрылись. Повязка стала насквозь мокрой от крови. Он говорил не громче, чем шелестит песок на пляже. Но слова заглушали волны и сирену подъезжающей скорой помощи.

Небо покрылось облаками, будто ни звезды, ни луна не желали слушать Паоло. Его увезли врачи. Женщин в машину не пустили, и они поплелись домой. Я остался на песке один, слушая эхо и притихшую воду.

Близнецы

Это случилось, когда мне было всего 10 лет. Тогда мы жили в Португалии. Родители уехали к родственникам на свадьбу. А меня отвезли на время в монастырь пожить под присмотром двоюродных братьев нашего дедушки – монахов-близнецов Рино и Мигеля.

Все мне внушало страх: и сам древний монастырь, которому, кажется, было лет пятьсот, и старики-братья. Раньше я никогда не видел братьев, которым было бы больше пятнадцати. Во взрослом возрасте братья как-то редко встречаются. Ну, может, на каких-нибудь семейных торжествах, но вот на улице так просто двух взрослых братьев вряд ли увидишь.

А тут живут настоящие старики-братья. И не просто братья, а близнецы. Было в этом что-то пугающее. Особенно тот факт, что они не очень-то и походили друг на друга. В детстве близнецов трудно различить. Но со стариками все иначе. Время меняет каждого по-своему. По-разному ставит свои отметины на лицо.

У этих близнецов были разными не только морщины, но и шрамы. У одного была расплосована щека, а у второго не было глаза.

Легко представить, каково было десятилетнему пацану остаться в этом угрюмом монастыре с такими няньками!

Монастырь был действительно древним: построен в XV веке. В те времена здания в Португалии строили с таким расчетом, чтобы их нельзя было разрушить обстрелом с моря. Стены толстые, никакого декора, окон практически не было, только узкие бойницы с дубовыми ставнями. Внутри скрипело все: пол, двери, лестница. Света катастрофически не хватало. В любое время суток стоял полумрак. Даже воздух, казалось, хранится здесь с древности. Словом сказать, я рос в семье, далекой от религиозного служения, и оттого вся аскеза монастыря производила на меня удручающее впечатление.

Два дня я просидел в своей комнате, стараясь лишний раз не покидать ее пределы.

Но на третий день осмелел: погулял по двору, поиграл с местной собакой, а весь оставшийся день пролежал на постриженном газоне, занимаясь ничегонеделанием. Вечером началась гроза, и мне пришлось возвращаться в свою темную обитель. Гроза бушевала всю ночь. Ветер просто сходил с ума: ломал деревья, хлопал ставнями, превращая капли в пули.

Один из сильных порывов ветра сломал ветку дерева и с размаху разбил ею мое окно.

Сердце упало в пятки. Теперь все, что творилось на улице, заглядывало и в мою комнату: ветер, ливень, листья деревьев, молнии и гром – все это было прямо у меня за кроватью.

Я выбежал в коридор, чтобы позвать стариков на помощь.

На ощупь крался по коридору, и только молнии сквозь узкие бойницы освещали мне дорогу. Как будто следили за тем, куда это я собрался. Как хулиган следит за ябедой.

Я спустился вниз. Никого не было. Видимо, старики уже спали.

И когда я хотел было подняться к ним, то увидел полоску света под дверью, ведущей на кухню.

На цыпочках подошел поближе. Дверь была приоткрыта. Два брата сидели за столом перед свечой и беседовали. При этом выглядели они очень странно: тот, что со шрамом, сидел, закрыв глаза, одноглазый же сидел напротив и задавал вопросы. Он был спокоен и безмятежен. Чего нельзя было сказать про сидящего с закрытыми глазами: его лицо выражало то страх, то досаду, то отчаяние. Вскоре я догадался, в чем дело: он был под гипнозом.

Я прислушался.

– Это постоянно повторяется, я снова вижу пустоту... Нет ничего... Ни лая собак, ни двора, ни деревьев, ни луны... Зияющая тьма. Тишина...

Нет ни монастыря, ни стола, ни чая... Глаз не видит ничего... Ни дороги, ни поля. Нет природы... Нет ни соли, ни волн, ни китов... Лишь пустота... Нет ничего... Отсутствие чего-

либо. Даже света... Темнота... И лишь одно чувство заполняет Вселенную. Проклятое чувство. Пустота... Ничего более. Нет огня, нет стремлений, нет ветра. Гладь и тишь... Мрак.

– Если нет ничего, то, наверное, ты хочешь это чем-то заполнить?

– Не знаю, внутри меня тоже пусто.

– Но ты знаешь, к чему стремишься?

– К свету.

– Хорошо, ты видишь свет? Где свет?

– Нигде, его тут нет. Я не вижу его. Мне страшно!

– Чего ты боишься?

– Смерти.

– Но ты ведь помнишь, кто ты? Тебе ли бояться смерти? Ты заслужил свою смерть.

– Да, я знаю, но не наказания я боюсь. Я боюсь смерти не потому, что хочу еще пожить.

Нет. Мне страшно оттого, что смерть отменяет смысл всего того, что я пережил. Я так и не смог понять жизнь, не успел. Она, как солнечный блик, пряталась за тысячи слов, вещей, чувств и прочей мишуры. Жизнь не ответила на мои вопросы, она сбита с толку миллионами своих оговорок, уловок и поворотов. Точно с рекой разговаривал. А смерть... Вот она, передо мной! Я ее вижу. Я слышу. Она говорит односложно. Я не хочу, чтобы на вопрос о жизни отвечала смерть. Не хочу, чтобы ее слово было последним. Не хочу умирать в темноте. Не хочу умирать с теми же вопросами, с которыми засыпал юношей.

– А чего ты хочешь?

– Хочу умереть просвещённым. Хочу, чтобы это был мой результат. Я хочу умереть с тяжестью этого знания. Это не о смерти мысли, это мысли о жизни.

– Чувствуешь ли ты, что в вере твое спасение? Что нужно только лишь верить, чтобы найти ответы на жизнь и не ждать их у смерти?

– Нет, я не чувствую этого больше. Чувствую злобу и силу в руках. И, кажется, начинаю понимать, почему так верил в бессмертие. Я просто бежал от бессмыслицы, не хотел верить, что жизнь просто обрывается смертью.

– Что ты видишь сейчас?

– По-прежнему ничего. Но я злюсь. Я гневаюсь на мир. На Создателя. Какая ж глупая задумка – жизнь человека! Полная страданий, чувств, сомнений, счастья, чести, греха, любви, свободы, борьбы, а в конце тебя просто съедают черви! Без остатка! Я сжимаю кулаки и бью в воздух. Машу руками в темноте. Зачем вы придумали бессмертие и заставили меня в него поверить? Потому что хотели с его помощью уйти от ответа на вопрос о смысле жизни. Удобно в вечности искать ответы, а не в свою смену! Бессмертие непостижимо. И оттого мы продолжаем верить, и свет продолжает гореть.

– Ты увидел огонь в темноте?

– Да, я вижу перед собой огонь. Но только мне претит к нему идти. Ведь я знаю, что его кормит напрасная вера!

Тут загипнотизированный брат очнулся. Минуту сидел молча, приходил в себя. Потом спросил Мигеля:

– Так что мучает меня, брат, ты выяснил? Отчего я не могу ни есть, ни пить? Что терзает меня ночами?

Мигель вздохнул и нехотя ответил:

– Да, выяснил. Ты разуверился, Рино. Ты больше не веришь.

– Что ты такое говоришь! Побойся бога, как ты можешь! Я верю всем сердцем! И всегда верил и буду верить, пока сердце мое бьется. Как тебе в голову такое пришло?! Как язык повернулся сказать такое?!

Рино встал и начал ходить из стороны в сторону. Тяжело дышал:

– Только благодаря вере я живым и остаюсь! Только ради Господа нашего по земле хожу. Ничего меня здесь больше не держит. Да как же я мог разувериться, если всем сердцем живу верой?

Нельзя же разувериться, не заметив этого?

Нет, видать, ты что-то намудрил, братец. Ну, спасибо за гипноз, видно только – от него проку, как от козла молока. Все, я спать пойду! Помолюсь и спать... Может, в этот раз меня не будут мучить кошмары. Чертова напасть! Вот же! Всю ночь снятся, а утром ничего вспомнить не могу!

И только рассерженный брат направился к двери, как одноглазый включил диктофон: «...Но только мне претит к нему идти. Ведь я знаю, что кормит его напрасная вера...»

Рино оглянулся:

– Не мог я этого сказать, плут. Не мои это слова. Дай послушать все! Прослушав запись три, а то и более раз, брат со шрамом опустил руки и поник головой. Он сидел не шевелясь.

После чего попросил брата снова ввести его в транс, ибо хотел узнать «все, что сидит в его черном сердце».

– Хорошо, – глаза Мигеля были полны состраданием: ему было больно смотреть на брата. – Закрывай глаза и считай свои вдохи. Ты можешь ни о чем не думать: ни о своих страхах, ни о ночных кошмарах. Просто отправляйся туда, куда ведет тебя твоя фантазия. В темноту, где нет ничего, где нет света. Засыпай спокойно, ни о чем не думай. Не думай о вере, не думай об огне. Засыпай...

Рино погрузился в транс.

Мигель продолжал говорить:

– Рино, ты здесь?

– Да.

– Ты в темноте?

– Да.

– Но ты видишь свет?

– Да, фонарь передо мной, а вокруг тьма...

– Что ты чувствуешь?

– Отвращение. Я хочу потушить фонарь и остаться в полном мраке.

– Почему ты хочешь избавиться от света? – сердце Мигеля сжималось.

– Он – ложь. Мы сами зажгли его. Сами держим его в руках и сами же идем на его свет. Это обман. Огня нет. Мы сами несем его перед собой. Мы – мотыльки. Дьявольски умные мотыльки. Мы организованны. Уж если что-то у нас сложилось, как-то повелось, устоялось, то веками не исправишь, тысячелетиями. Но я не с вами. Вы верите, что живете не зря, и поэтому живете со спокойной совестью. Вы верите, что все не зря. Что все где-то копится, и ваши жизни ложатся как одна песчинка к другой. И так строится град. Но не я, брат. Я не чувствую этого. Я погасил свет. Выключил фонарь и остался во тьме, исчез. Нет никакого града. Наша жизнь – это не песчинка. Это дым. Он исчезает, не оставляя и следа.

– Ты видишь еще кого-нибудь рядом?

– Нет, мой фонарь погас. Я погасил его. Я больше ничего не вижу. Пустота...

На этот раз Мигель сам разбудил брата – бесцеремонно шлепнул по щеке.

– Что я говорил? – замутнённый взгляд начинал светлеть.

– Ты говорил, что любишь себя больше Бога! Что свои мысли ценишь больше мира всего. Что поставил Господа на колени пред собой, что ты выше Него.

– Не может быть!!!

– Молчи! Молчи и слушай! Ты возгордился: решил, что прожил достаточно, чтобы судить о жизни. Ты нарцисс, брат мой.

– Да как же... Но разве я мог... что, что я тебе сказал?

– Неважно, что ты сказал. Важно, где родились твои слова. Мигель на время задумался, после чего продолжил:

– Решил проверить веру свою на прочность? Ты говорил, что не видишь света, – Мигель встал и обошел брата со спины. Затем резко повернул к себе его вместе со стулом и взял за грудки.

Я еле сдержался, чтобы не издать ни звука. От божьего человека, от монаха осталась только ряса. Зрелище больше соответствовало трактиру, а не монастырю.

– Не видишь света?

Мигель встряхнул Рино так, что тот клацнул зубами.

– ...А сам тушишь свой огонь? Ждешь чуда от Господа, как от факира? Надеешься, что тот зажжет тебе факел без искры?

– Да что же я такого сказал, ну дай послушать! – не защищался Рино.

– Нет, ты меня послушай, – свирепел Мигель – незачем тебе свои же слова слушать. Прогнили они. Послушай мои слова и посеяй их семя в своей душе. Как блох дави, как паразитов, дави мысли свои.

– Какие мысли, о чем же ты?!

– Задуши любовь к себе ненормальную! Не люби себя, как будто ты последний человек и не осталось никого на земле!

– Да я же... я ведь не люблю, но как же так, ну, брат, объясни!

– Нет, Рино. Не пытайся выпросить объяснения. Я не стану тебе ничего доказывать. Не можешь верить в Бога – верь хотя бы мне! Ты, Рино, сам того не ведая, душишь веру свою в попытках объяснить природу бытия. Но есть вещи, Рино, в которые можно только верить. И в пять, и в десять лет, – при слове «десять» он указал на дверь. Я замер, – и в семьдесят. Мог бы жить ты тыщу лет, то тыщу лет бы верил. Ты слышишь?

Рино кивнул. Мигель отпустил брата и обошел стол.

– Ты веру «фонарем» назвал. Что ж, мило! Но не фонарь она. И место у нее – не во дворе стоять. Ты спутал глину с гончаром!

– Я все ж не понимаю, о чем толкуешь ты, о чем?

Мигель стоял на своем и ничего не объяснял. Поднял диктофон со стола и удалил записи.

– Брат мой, я люблю тебя. Ты многое повидал. Но не гордись ты, будто мир познал, не мотыльки мы – светлячки. Не мы огонь несем, а огонь несется в нас. Не пред собой светить, не путь свой освещать, как фонари у поезда! Не для себя горим, поверь: чтобы остальным светлее было! Всем тем, кто еще во тьме, всем, кто еще не зрел ни душой, ни телом! Войди, чертенок! – Мигель повернулся в сторону двери.

Я не знал, куда деваться. Зашел, медленно опустив голову. Мне было так стыдно! Не знаю, когда меня заметили, но явно не только что. Я зашел и встал у порога, дальше пройти не посмел.

– Там окно разбилось... – еле выдавил из себя дрожащим голосом.

– И что же ты молчишь, сорванец, пойдем скорей чинить! Наверное, в комнату уже целое озеро налило! Гроза вон как разбушевалась!

Мигель по-доброму взъерошил мне волосы и поспешил наверх. Рино еще какое-то время стоял со стеклянными глазами.

Потом встрепенулся, мотнул головой, как будто прогоняя наваждение, и бросил взгляд на меня:

– Ну, чего ты ждешь? Неси из подвала инструменты, а я принесу пленку. Пока так заладим, а утром привезем стекло.

Монах хлопнул в ладоши и потер руки:

– Эх, малыш, гроза-то как злится, ух! Уж верно кто-то Господа разгневал!

После подмигнул мне, улыбнулся и сказал:

– Но ты не бойся: детей Он любит!

Мой друг разбился насмерть и рассказал, как это было

Эта история произошла совсем недавно с моим близким товарищем. Он попал в аварию и пережил клиническую смерть.

Провел в коме две недели, но выкарабкался. Три дня он был в сознании, а потом умер. Ушел навсегда. Врачи так и не смогли установить причину смерти.

В то время, пока он был в сознании после аварии, я находился рядом. Ильдар чувствовал себя хорошо и рассказывал удивительные вещи. Он помнил все: аварию, как приехала скорая, помнил даже имена медбратьев, которые несли его на носилках. Помнил все детали, вплоть до номера кареты скорой помощи. Такое не запоминаешь даже в обычном состоянии, а ведь он был без сознания! Со слов докторов, Ильдар не мог ничего видеть, так как глаза его всё время были закрыты.

На вопрос «как же тогда он все помнит?» ученые умы разводили руками и говорили – чудо.

Я пришел к Ильдари в палату на следующий день после того, как он очнулся. Счастливого перевели в травматологию и подселили к другому пострадавшему, какому-то пропойце со сломанной ногой.

Тот лежал у окна и не прекращал материться себе под нос, ругая местный персонал. Время от времени он разбавлял свою ругань звуками, издаваемыми другой частью тела, не стесняясь при этом ни капельки и не прерывая ворчание.

– Как это произошло, Ильдар? – спросил я, пытаюсь не обращать внимания на этот кипящий чан. Странно: я спрашиваю о деталях, как будто такое знание может как-то облегчить боль от случившегося. Будто если в голове разложить все по полочкам, то сердце перестанет ныть. Узнав о чрезвычайном происшествии, мы обычно интересуемся подробностями случившегося, но не задаемся вопросом о последствиях.

«Поезд сошел с рельсов» – да как же так? Где именно это произошло, было полотно размыто или ошибся диспетчер?

«У Тани муж повесился» – да как такое возможно? На чем повесился, когда? Где в это время была сама Таня?

И так далее. Будто мы сыщики и должны распутать дело. А нет, на самом деле мы просто идем на поводу у нашего любопытства. Так устроен мозг человека, любит он детали. Нас приучили, что в деталях всегда кроется все самое важное.

Чепуха. Может быть, в юридическом договоре все самое важное и спрятано в мелком шрифте, но в жизни важное – всегда большое. А большого-то мы и не видим. Узнав о том, что поезд сошел с рельсов, мы не спросим, сколько жертв, что он перевозил или как теперь будут жить раненые и их родные.

И не поинтересуемся, каково бедной Тане ночевать в квартире, где повесился ее родной муж, и винит ли она себя в содеянном.

Нет, гораздо важнее, с табуретки ли он прыгнул или это был стул, и самое главное: куда он привязал веревку – к люстре или к трубе?

Даже в таких роковых событиях наше любопытство не отстанет от нас, пока мы не нарисует картину досконально. А уж если нарисовали, то грустно, но удовлетворенно вздыхаем и говорим что-то типа: «Да уж, судьба». Вроде как с этим все нам теперь ясно. Можно жить дальше.

Вот и я вместо того, чтобы спросить, сильно ли ему больно сейчас, говорю: «Как это произошло, Ильдар?»

– О, я все прекрасно помню! – Ильдар закрывает глаза и начинает воссоздавать картину. – Я еду на машине чуть быстрее обычного. Но не гоню. Идет снег, холодно. «Незамерзайка»

замерзла. – Ильдар усмехается собственному каламбуру. – Стекло испачкалось в дорожной грязи, и было очень плохо видно дорогу. И вот я вхожу в поворот и не замечаю, как выезжаю на встречную полосу. Ночь, машин мало, поэтому не сразу понимаю, что еду по встречке. Вглядываюсь сквозь грязное лобовое стекло в асфальт и вижу разметку, припорошенную снегом. Начинаю сворачивать вправо на свою полосу, но не успеваю. Бах! В лоб въезжает красная «семерка» «Жигулей».

Ильдар морщится, сглатывает и продолжает.

– Грохот, больно. В глазах потемнело, слышу крики, дальше стоны – и тишина. Потом я вдруг оказываюсь метрах в десяти от аварии. Смотрю на все сверху, чуть выше человеческого роста. Самих машин не вижу. Но слышу шипение, потрескивание и какие-то еще остаточные звуки аварии. Медленно, но осознаю, что умер.

– Стоп, стоп, – в нетерпении перебиваю я. – как ты это понимаешь? Как это вообще возможно понять?

Ильдар, поправив подушку на своей койке, приподнимается и устраивается чуть повыше. Видно, что движения причиняют ему боль.

– Это длинный процесс. – Ильдар улыбается и продолжает. – Забавно, конечно, об этом рассказывать. Я ведь не знаю, у всех так или только у меня. Но первая мысль, которая пришла в голову: «Блин, в следующий раз надо бы быть поаккуратнее и заранее купить запасной баллон жидкости».

Мужик на соседней койке, притихший на время рассказа Ильдара, издал странный звук. Слава богу, ртом. После чего ехидно усмехнулся. Мы сделали вид, что не заметили.

Я вспомнил о своем диктофоне, всегда его ношу с собой на случай, если надо ухватить мысль или записать интересную беседу. Как раз такую, что у нас завязалась с Ильдаром. Я достал машинку:

– Ой, погоди, погоди! Я запишу.

– Зачем тебе диктофон, это что – интервью?

– Ну, знаешь, не каждый раз слышишь истории с того света! – тогда я, как мне казалось, мог позволить посмеяться над смертью: я был уверен, что Ильдар обманул рок.

Он продолжает, но еще некоторое время косится на мигающую лампочку:

– Потом понимаю, что точно опоздаю домой: я ж торопился! Зачем – не помню. Но торопился жутко. Расстраиваюсь, вспоминаю, что не продлил страховку. Куча денег коту под хвост. Ругаю «незамерзайку», столько теперь проблем: ремонт, ушибы, опоздания, гаишников три часа ждать. И тут постепенно, как будто сквозь туман, до меня начинает доходить, что следующего раза не будет и что я не просто опоздаю домой, а больше никогда туда не попаду! Что это конец, и что-либо изменить, договориться или исправить у меня нет шансов!

Вдруг при этих словах с соседней кровати донеслось:

– Тоже мне новости! Классика.

Ильдару было тяжело двигаться, поэтому он не пошевелился, но я обернулся:

– Что, простите?

Забудьга посмотрел на меня как ни в чем не бывало. Лицо его было непробиваемым:

– Ничего, давай дальше.

Он даже не моргнул. Смотрел на меня широко раскрытыми глазами, как будто его комментарии – само собой разумеющееся явление, а мы у него на докладе.

Я хотел было сделать замечание, что подслушивать чужие разговоры неприлично, но в это время зашла медсестра. Хотя, судя по ней, это была скорее медбабушка или медзавхоз: большая, неопрятная, грубая.

– Ну, все нормально? – спросила она с таким вызовом, что даже припадочный вряд ли посмел бы пожаловаться. – Через 10 минут приемный час будет окончен, – она уставилась на меня и ждала реакции.

– Ну 10 минут-то есть? – я не нашел ничего лучше, чем попытаться защищаться.

– Только десять и есть. Я же говорю, что за народ... – она вышла и так хлопнула дверью, что та снова открылась от удара.

– Господи, как тебе тут будет тяжело, Ильдар, сочувствую.

– И не говори.

– Где мы остановились? А, да, ты говорил, о том, как осознал, что уже ничего не исправить.

– Да-да, это был тот самый момент, когда понимаешь, что умер... Это было не похоже на молнию или что-то там еще. Это как окно замерзает, медленно-медленно – и вот уже не видно ничего. Во мне неторопливо крепла мысль, что нельзя откатить время назад, даже на 10 секунд, и повернуть на этом злосчастном шоссе как надо! А вначале так хотелось взять и переиграть, как в шахматах: отыграть ход, чтобы не срубили! Знаешь, на что это еще похоже?

– На что?

– Ты в детстве ронял, например, яблоко на пол? Уронил и тут же поднял. Смотришь на маму. А она говорит строго: «Выкинь». А ты с ней торгуешься: «Мама, ну пожалуйста, оно всего лишь на секундочку же упало!» Канючишь-канючишь, и в итоге мама сдается и говорит: «Ладно, ешь, только помой сначала». Так же и здесь. Хотелось сказать: «Я ж только на секундочку заехал на встречу, ну пожалуйста, пустая же дорога была, ну темно же было, я ж трезвый...» И еще миллион доводов, лишь бы позволили дальше жить!

Я киваю: такое чувство мне знакомо. Бывало не раз.

– И вот потихоньку я понимаю, что ничего исправить нельзя, что на этом конец. И в голову начинают лезть мысли о недоделанных делах, о несказанных словах. Валом – прямо как в фильмах. Вспышка за вспышкой, неконтролируемо, – Ильдар руками изображает вспышки, как будто стряхивает воду с пальцев.

– Да херня все это, – сосед таки не выдержал. Все время, пока Ильдар говорил, он кричал, сопел, шмыгал носом – всячески показывал свою готовность вступить в разговор. И вот наконец он решился:

– Фигня всё. Каждый раз одно и то же. Уже слушать тошно. Недоделанные дела, планы, большая жизнь – тьфу! Кто вас этому вообще научил, где нахватались? Потом, когда оживаете, ничего не меняется, как жили, так и живёте дальше. Прямо не знаю, сколько раз человек должен помереть, чтобы научился жить.

Теперь уже и Ильдар, преодолевая боль, повернулся к соседу:

– Простите?

– Я говорю, что сколько ни слушаю людей, вернувшихся из комы, все лепечут одно и то же. Такое ощущение, что вы все на один сеанс кино в кинотеатр ходили. Ничего нового.

Я недоумевал:

– Простите, а вы много видели людей, побывавших в коме?

– Достаточно, человек двадцать.

– Откуда?! – у нас с Ильдаром от удивления округлились глаза.

– Я кардиохирург, – объявил пропойца, затем чуть тише добавил:

– Бывший.

– Во как, – вымолвил Ильдар.

С минуту мы сидели в тишине, как будто выдерживали траур. В голове рисовались печальные картины оборванной карьеры: скандалы, запои, сломленный характер, потерянная вера – все пронеслось перед глазами.

Но тут по коридору прошла медсестра, железным басом объявив, что приемный час закончился. «Навещающие – на выход!» – гремел ее приказ.

Я и не думал уходить.

– Давай я спрячусь в туалете в вашей палате, если она зайдет, ты скажи, что я уже ушел.

Ильдар кивнул.

Бывший хирург безразлично почесал щетину на подбородке.

Через хлипкую дверь больничного туалета я слышал, как медсестра, словно надсмотрщик, тяжело дыша, прошлась по палате, погремела медицинскими принадлежностями и вышла в коридор, не догадавшись проверить мое убежище.

Через минуту мы вернулись к разговору.

– Простите, пожалуйста, – обратился я к соседу, – что же еще говорят люди, побывавшие в коме?

Сосед приподнялся на спинку кровати. Он был хмур, как и полагается пьющим, но трезвым людям. Однако вместе с тем его сморщенное лицо не скрывало радости, что он теперь тоже участвует в разговоре. Лежать в больнице без дела – уж шибко тяжело.

– Да много что говорят. Говорят, что жалко им себя становится. Мол, не понимают, за что им такое наказание.

– Жалость? Интересно! Такого я раньше нигде не встречал. Хотя читал несколько описаний клинических смертей.

– Читал... хех, я тебе жизнь рассказываю, не из книжек.

– Да, действительно, – вспоминал Ильдар, – становилось жалко себя и даже обидно, что из-за какой-то мелочи, из-за того, что не поменял жидкость в машине, – все, обнулили!

– Во-во, – поддакивал сосед.

– Мне было обидно, что из-за такого пустяка оборвали такую важную жизнь! Я столько бы еще мог сделать хорошего, полезного! Осчастливить кого-нибудь, мир изменить к лучшему!.. А тут... Из-за такой мелочи... Это как тетрадь выбросить из-за одной помарки... Как яблоню срубить ради одного яблока... Блин, да мне такие дела с рук сходили! А тут паршивая жидкость замерзла, и за это – смерть! Как же обидно было...

– Во-во, а я о чем говорю. Ты не думай, ты не один такой. Все себя жалеют. Все считают, что с ними поступили несправедливо. Как будто кому-то там, – хирург указал пальцем вверх, – вообще есть дело до справедливости.

Ильдар продолжал о своем:

– Ну а разве это справедливо? Я же хорошего, по сути, хотел...

Я же плохого особо и не делал. Столько запланировал: и на благо жить хотел, и людям помогать... Я же, в принципе, хороший человек! За что меня убили??? За «незамерзайку»? У меня в планах, может, было даже народ за собой повести, от войн спасти! Примирение с собой подарить – ты, конечно об этом не знаешь, – Ильдар обратился ко мне, – но это все было в планах. Понимаешь, Арсен, я же не на войну ехал, я просто торопился домой. Я не маньяк, не насильник, я даже не вор! Почему такое строгое наказание? Несоизмеримое...

Я не понимаю! Так обидно. До слез.

Ильдар замолк. Видно было, что он действительно переживает: лицо его замерло, глаза потухли. Вопрос, который он задавал себе, будучи в коме, все еще оставался без ответа. За что его наказали?

– Я подумал тогда, – продолжил он, – вот бы искупить свою вину! Если где-то был неправ, заплатить в сто крат. За один свой удар получить тысячу в ответ, но продолжить жить! Но со мной не торговались. Все сделали без моего ведома и без обсуждений со мной. Я умер...

– Да уж, мы о себе гораздо более высокого мнения, чем они о нас, – хирург сказал это сочувствующим тоном, но вышло как-то не очень. Он это понял и попытался перевести тему:

– Мне один пациент тоже рассказывал, что такое смерть. Знаете, что он говорил?

Ильдар вопросительно поднял брови, но хирургу этого было недостаточно, он посмотрел на меня в ожидании согласия на рассказ.

– Так что же?

Ну и тип – мы с Ильдаром переглянулись. Но хирург не заметил, он уже был увлечен собственным повествованием:

– «Знаете, Евгений Геннадиевич...» – это я, – пояснил доктор, – «...я понял, что смерть – это лишение смысла. Когда что-то в жизни лишается смысла – это сразу умирает. А тогда, в коме, когда я понял, что умер, у меня обесмыслилось все. Потому что я был смыслом и оправданием всех своих дел. Без меня дела мои и жизнь не имеют смысла! Умер я – ушел смысл, умерла жизнь», – хирург тонким голоском изображал речь больного, при этом театрально закатывая глаза и прижав руки к груди. – У тебя так же?

Ильдар кивнул:

– У меня вот, например, было столько идей, столько наработок! Ведь никто об этом и не узнает, пока не реализуешь планы. Но я умер. Не реализовал, и, значит, большая часть айсберга так и осталась под водой. Я – мертвец, и никто не узнает, что было в моей голове, в сердце...

Как будто и не было этого никогда... Хотя для меня все это было более реальным и натуральным, чем все то, что я сделал на самом деле. Блин, как же жалко! И не себя, а планов своих, идей!.. Вот бы кому-то другому поручить доделать! Вот если б было кому передать, чтоб доделал, додумал, дожил... Тогда не так обидно умирать. Совсем не обидно. Тогда вроде как и не умираешь вовсе...

Тут мне снова пришлось спешно прятаться в туалете, потому что в коридоре слышались знакомые шаги нашего командира. Дверь отворилась, и раздался приказ: «Процедуры!» Потом чуть помягче: «Будем уколы делать».

Я отсиживался в туалете, но слышал, как хирург говорил Ильдару:

– Ну, конечно, если бы кто-то продолжал делать то, что ты делал при жизни, то тогда вроде и не умираешь окончательно. Сам, конечно, умираешь, но все равно не так обидно, наверное. Потому что ты должен быть спокоен, так как знаешь, что не зря все это, не просто все исчезло и обнулилось. Нет, что-то твое продолжается, развивается и будет без тебя жить и расти дальше. А умер так умер: что ж, со всеми бывает рано или поздно... Но когда ты умираешь и некому дело твое продолжить, мысли твои додумать, слова твои досказать, то тогда, наверное, очень обидно.

– Да, – задумчиво продолжил Ильдар, – все это остается в твоей мертвой голове, и никто оттуда уже не вытащит. Знаете, – Ильдар говорил сквозь зубы, видимо, в этот момент именно ему делали укол, —

я представлял себя айсбергом, большим, потому что я сам вижу ту часть, что под водой. Но когда умираешь, то понимаешь, что все, спрятанное под водой, там же и осталось. И на самом деле ты – всего лишь жалкий комочек льда...

– Эй, полегче! – раздалось из палаты, это был хирург. – Ты, мать, хоть для приличия в вену меться, а то тычешь с размаху куда ни попадя. Я ж не подушка для иголок. И откуда вас только берут таких...

– А ты не бухти, ишь чего... не нравится – сам себе уколы делай.

– Ой, и пожалуйста – напугала!

Еще некоторое время я слушал перепалки бывшего хирурга и медсестры, но потом она ушла, и я смог выбраться из заточения.

Я молча посмотрел на Ильдара. Теперь он казался мне святым. Человек, который прошел через такое, пережил смерть, не мог остаться прежним.

Он действительно стал на жизнь старше, везунчик.

– Ты представляешь, как тебе повезло?

– Повезло... Ты серьезно? У меня сломаны обе ноги, сильнейшее сотрясение, раздроблены четыре ребра. И ты считаешь это везением?

– Ну, мне, конечно, жаль, что ты пострадал, но ведь ты заглянул за границу дозволенного! Ты прочувствовал то, что людям не дано знать! Ты встал на следующую ступень развития!

– Мне кажется, ты очень преувеличиваешь, – улыбнулся Ильдар.

– В хлам преувеличиваешь, – басил бывший хирург. – Ничему твой дружок не научился. Пройдет месяц-два, все встанет на места свои. Будет жить, как жил раньше.

В этот момент откуда ни возьмись в дверях появилась та самая медсестра с выражением лица «какого дьявола тут происходит?»:

– Та-а-а-ак, – до неприличия долго растягивала мадам, – понятно. Нарушаем. Я сейчас охрану позову. Они вмиг уму-разуму научат.

– Да вы что, не надо охрану, я уже ухожу, только минуточку, пару слов скажу другу и пойду...

– Никаких пару слов, живо вон из палаты! – женщина упивалась своим положением, а я решил подыграть:

– Ну, пожа-луй-ста... – растягивал слоги, как школьник, – еще три минуточки...

Я начал собираться, но нарочито медленно. И, дождавшись, пока медсестра выйдет ожидать меня в коридоре, спросил друга напоследок:

– Ну, Ильдар, скажи: реально что в тебе изменилось после комы? Понял, как жить-то теперь?

– Да, понял, Арсен. То, что пишут в каждой вшивой книжке для домохозяек! – он недобро ухмыльнулся.

На соседней койке хирург заржал в голос. Из коридора донеслось: «Тише там!»

– Ну и что же? – в нетерпении полусшепотом спорил я.

– Во-первых, надо помнить каждый день, что на замахе может парализовать, и не жить впрок. Во-вторых, не тратить время на то, что с твоим уходом потеряет смысл. И самое главное, – при этих словах голос Ильдара стих, он зашелся в сильном кашле, глаза его закатились, и тело начало трястись. Хирург приподнялся на локтях, чтобы получше рассмотреть, что происходит, и перевел глаза на меня, будто спрашивал: «Позвать медсестру?»

Но Ильдар жестом попросил меня подойти поближе и, вцепившись в лацкан моего пиджака, еле слышно прошептал:

– ...И самое главное, Арсен, запомни... – кашлянул мне в лицо, но я терпел, не смея отойти. – Запомни... не забудь... поменять... «незамерзайку»! – после этих слов пострадавший залил палату громким хохотом.

В эту же секунду в палату ворвалась медсестра и схватила меня за локоть:

– Все! Быстро на выход!

Я с облегчением вытер лицо рукавом свободной руки:

– Ну ты, черт, давай поправляйся: скоро лето, съездим вместе на море. Давно же хотели! Теперь не будем откладывать...

– Хорошо! – улыбнулся Ильдар. Таким я его и запомнил: улыбающимся, ироничным, просветленным...

Через день в больничном коридоре я столкнулся с его мамой. И все пойму без слов.

Черный дьявол

– Смотри, смотри, что это?! – два пацана на велосипедах задрали головы вверх, указывая руками на мост. Это был огромный акведук, расположенный между горами.

Впечатляющее строение. Длинной около километра, он соединял части трассы, ведущей на юг страны.

Массивные металлические колонны, тросы толщиной с человеческую руку и бетон – все казалось небывало прочным и непоколебимым.

Однако сейчас это инженерное сооружение ходило ходуном, расшатывалось из стороны в сторону, стонало, словно гигантское доисторическое животное.

– Это землетрясение! – воскликнул парнишка, что был сантиметра на два выше другого ростом и поэтому считался главным.

– У нас не бывает землетрясений, это самое старое тектоническое плато на планете, – возразил тот, что был пониже.

– Много ты понимаешь, салага! – с серьезным видом заявил первый (два сантиметра делали свое дело).

По обоим концам моста крошилась земля. Скалы дробились. Мост начал рушиться.

– Едем скорее, надо сообщить спасателям!

Когда прибыли спецслужбы, моста уже не было и в помине.

Расследование по факту крушения велось с особым усердием, но причину установить так и не удалось. Однако большего внимания заслуживал другой факт: под мостом образовался каньон. Приезжали ученые со всего мира, но и они так и не смогли определить глубину разлома и природу его появления.

Место оградил, поставив по периметру военных.

В шести километрах от моста располагалась деревня. Небольшая, домов в шестьдесят. Именно там моему мотоциклу суждено было сломаться, и шестинедельное путешествие приостановилось.

Приютила меня пожилая пара, простые добрые люди.

«Прожить здесь, похоже, придется не меньше недели, пока не доставят детали из ближайшего города», – смирился я.

В первый же вечер у нас завязался душевный разговор. Вино и лунный свет помогали нам настроиться на нужный лад.

Старики с удовольствием слушали мои рассказы про дальние странствия, про океаны, штормы, далекие экзотические берега, слушали, как я летал над вершинами Анд, терялся в Сахаре и находил себя в Катманду. Чуть позже я плавно перешел к историям, приключившимся со мной в Африке. А когда рассказ пошел об охоте на гиен, хозяева вдруг переменились в лице. На них словно легла тень, и пара сомкнула сухие губы.

– Что такое? Я вас чем-то обидел?

– Нет, что ты, что ты, – поспешила успокоить меня хозяйка. Просто... – старуха осеклась и посмотрела на мужа. Тот сидел неподвижно с застывшими глазами. Старуха замолчала и разлила по стаканам остатки вина. Старик выпил, отвернулся чуть в сторону, глубоко вздохнул и заговорил:

– У нас было трое сыновей и семеро внуков. Большая дружная семья. Вот видите – там, – старик отдернул штору, – дома без света? Это всё – дома наших сыновей. Теперь они пусты...

Старик вдохнул полной грудью, но продолжить не смог.

– Никого не осталось, – продолжила за мужем женщина. – Все погибли – их убил Черный Дьявол. Ваши рассказы о гиенах напомнили о нем.

– Кто такой Черный Дьявол?

– Никто не знает, – старик тихо поставил стакан на стол, – говорят, это огромный черный волк. Он охотится на людей, но не ест их. Разрывает и выбрасывает тела на дорогу.

Теперь супруги заговорили по очереди.

– Никто из живых не видел его. Но ходят слухи, что он такой большой и сильный, что один мог бы сожрать быка. Вот уже шесть месяцев он терроризирует нашу деревню.

– Не брезгает ни женщинами, ни детьми. И самое главное: своих жертв он не ест, а просто разрывает и выбрасывает тело на дорогу. Чудовище!

– Исчадие ада, – старуха перекрестилась и расплакалась. Вернее, у нее просто потекли слезы.

Хозяин обнял жену и так, в обнимку, даже не пожелав мне спокойной ночи, удалился с ней в свою комнату.

Вино закончилось. Лунный свет остался в одиночестве. Тяжелое предчувствие наполнило мое сердце: жди беды!

Рано утром я проснулся от какого-то движения около входной двери. При входе в избу стояли мужики, вооруженные ружьями и топорами, и ждали, пока старик наденет наконец свою старую охотничью куртку. Но сделать это ему мешала старуха, которая то и дело стягивала с него куртку и умоляла остаться.

Оказывается, каждую неделю все жители деревни ходили в лес на охоту за черным волком. И, как всегда, старуха просила мужа остаться, боясь потерять последнего родного человека.

И правильно: не дело старикам за чудовищем гоняться!

– Батя, давайте-ка в этот раз схожу я! А вы уж потом, когда я уеду. Дед согласился – не хотел расстраивать старуху.

В лесу нас окутали плотные сумерки: он оказался дремучим, почти непроходимым.

На небе светило солнце и не было ни облачка, а здесь, в лесном полумраке, хотелось зажечь фонарь. Было жутковато, и, чтобы хоть как-то снять висящее в воздухе напряжение, я заговорил с соседом, в руках которого были рогаatina с топором:

– Вы когда-нибудь ловили тут волков?

– Да, – отрезал охотник.

– И черных?

– И черных.

– Больших? – я не отставал.

– Бывало, попадались и огромные, с медведя ростом.

– Никогда не видел черного волка! Вы чучела случайно не делаете? Мужик посмотрел на меня как-то брезгливо:

– Нет. Мы их сжигаем.

– Сжигаете? Зачем?

– Чтобы их чертово отродье знало, кто здесь главный! Мужик сплюнул.

– Но нападения же не прекратились? Другие волки нападают?

– Нет, нападает один – Черный Дьявол. Один и тот же почерк: не ест, просто потрошит и выкидывает на дорогу.

Мужик вздохнул и продолжил шепотом:

– Настоящий дьявол! Мстит нам за каждого убитого волка!

– То есть как это – мстит?

– А вот так: наутро после охоты всегда находят тело кого-нибудь из семьи охотника.

– Какой ужас! Но, может, если вы прекратите охоту, нападения прекратятся?

Охотник покрутил в руках топор, бросил на меня короткий презрительный взгляд и прошипел куда-то в сторону:

– Вот сожрут твою дочь или мать, тогда и поговорим.

Дальше мы шли молча, с трудом пробираясь сквозь густые лесные заросли. Растянулись в линию по одному. Каждый высматривал в лесном сумраке зверя и был предельно собран.

Вдруг в кустах что-то зашевелилось. Охотники вскинули ружья, но вместо волка обнаружили лишь странного на вид зверька.

Мой сосед разочарованно отвернулся и продолжил путь.

Я остановился: никогда раньше не доводилось мне видеть такое животное, хоть и объехал я полмира.

Зверек представлял собой что-то похожее на помесь дворняги и бобра. Чудное создание: ростом не выше полуметра, передние лапы были короче задних и при передвижении едва заметно касались земли.

Задние – мощные, с большими когтями. Глаза его слезились, шкура была огненно-рыжей. Хвост длинный, баранкой. Морда была похожа на собачью и даже чем-то на морду гиены. Единственное, что было нормальным у этого существа, – развитые мощные челюсти. Все остальное было карикатурой на нескольких животных – несуразное существо!

Зверь замер в нескольких шагах от меня. Я топнул ногой, и нескладное существо скрылось в кустах, только пятки сверкнули.

Я улыбнулся. Лес перестал быть таким страшным.

Мужики ушли вперед, откуда через некоторое время раздались выстрелы. Я со всех ног побежал на звук, но когда примчался на место, все уже было кончено: на земле лежало тело настоящего монстра. Это был невероятных размеров черный волк. Несколько мужиков добивали его вилами и топорами, хотя никакой надобности в этом уже не было – волк был мертв. Дальше действовали по привычной схеме: распотрошили, развели огонь и сожгли. Запах горелого мяса и шерсти распространился по всему лесу.

И хотя с ужасным монстром было покончено, домой возвращались с тяжелым сердцем: все прошло слишком легко и просто. Темнее тучи шел охотник, выстреливший первым, – теперь Проклятие нависло над его семьей.

Он знал, что так будет, но не выстрелить не мог. Волк был ближе к нему, чем к остальным. Еще секунда – и зверь бы ушел. Такого бы друзья не простили. Каждый из них уже потерял кого-то из близких: кто жену, кто отца, кто детей.

Раз черный дьявол мстит убийцам волков, то я решил подкараулить его у дома охотника. Забрался на крышу сарая, взвел курок и стал ждать.

Просидел до глубокой ночи. Глаза уже слипались, и я чувствовал, что вряд ли смогу дольше продержаться, подспудно успокаивая себя мыслью о том, что проклятый зверь уже не появится: ведь скоро рассвет. Как вдруг вдоль забора скользнула немая тень. Сердце заколотилось, руки задрожали. Вот оно, попался, дьявол!

Но нет: к моему сожалению, тень принадлежала какому-то маленькому зверьку. Может, еноту или барсуку. Я разочарованно вздохнул и отвел ружье. Тьфу! Зря перепугался.

Зверек же оказался настырным и не пожелал уходить со двора. Он добежал до середины лужайки и встал прямо под лунным светом. Нас разделяло метров десять, когда зверь заметил меня.

Я пригляделся и, конечно же, узнал ту несуразную помесь бобра и собаки, которую повстречал в лесу.

– Кыш, шавка! – крикнул я ему. – Брысь! Я тут на Дьявола охочусь! Я шикнул, но зверек даже не пошевелился. Замахнулся – он и с места не сдвинулся. Тогда я бросил в него куском черепицы – попал в бок, но зверь и звука не издал, даже не шелохнулся.

Да что с ним такое? Что ему надо здесь? И чего он уставился на меня, как баран на новые ворота?

– Пошел прочь! Не смотри на меня так своими слезливыми глазками! И только я это произнес, в тот же миг глаза его переменились – вспыхнули!

Нет-нет, я не преувеличиваю! Они не отражали света луны, как это часто бывает у диких зверей в ночи. Нет, эти глаза буквально загорелись!

Я попятился.

Но не успел я вскинуть ружье, как зверь прыгнул на меня, в считанные секунды преодолев разделявшее нас расстояние. От ужаса я выронил из рук карабин и повалился на спину. Через мгновение чудовище оказалось на моей груди и вцепилось бы в мою шею, не успей я вовремя подставить руку.

Дьявольски сильные челюсти сомкнулись, раздался хруст, и моя рука повисла словно плоть. Я взвыл от боли, но продолжал бороться. Скинута монстра никак не удавалось.

В пылу борьбы мы скатились с крыши сарая на землю. Даже после падения убийца не разжал свою пасть, напротив, он с остервенением продолжал вгрызаться в мою бедную руку, причиняя мне жуткую боль.

Я не сдавался. Нет, только не я! Я не мог себе позволить умереть от зубов такого несурьезного существа! Я охотился на тигров и львов, на горилл и аллигаторов, и все это не для того, чтобы быть съеденным полусобакой-полубобром!

Схватка продолжалась несколько минут. Но и этого времени было достаточно для того, чтобы я обессилел. Я был измучен, разодран. А эта тварь даже не устала!

Конец. Я больше не чувствую боли. Значит, все очень плохо.

Зажмурившись, я услышал рядом с собой выстрел, затем еще. Открыв глаза, увидел, что зверь слетел с меня и закружился волчком. Прибежали жители деревни и начали добивать монстра лопатами, вилами и всем, что попадалось под руку. Стреляли в упор, рубили топорами, пока на земле не осталось бесформенное кровавое месиво.

Меня подняли и отнесли к врачу. К сожалению, руку спасти не удалось – ее ампутировали. Про мотоцикл мне пришлось забыть: так он там, в деревне, и остался. Я же, придя в себя и набравшись сил, уехал в город на рейсовом автобусе.

Часто я рассказываю эту историю в новых компаниях, в красках описывая те памятные для меня события, и с гордостью демонстрирую протез. Не скрою: бывает, я излишне бравирую и преувеличиваю размеры хищника, с которым мне довелось сразиться в той смертельной схватке. В моих рассказах я – герой, но сам я так и не нашел смелости вернуться в ту деревню, навестить добрых стариков.

Только из новостей слышал, что мост там наладили. А через некоторое время каньон под мостом исчез. Удивительно! Словно рана на теле земли зажила, и даже шрама не осталось.

На месте, где заново срослась земля, не было перешейка из скал или болот. Рельеф повторился в точности и стал таким же, как и прежде. В привычное русло вернулась река, по ее берегам зазеленели леса. Чудо! Уже ничто не напоминало о тех страшных событиях. Как будто природа сама хотела побыстрее стереть все следы.

И только мой старый мотоцикл выбивался из общей картины. Его, конечно же, не починили. Но зато приспособили под клумбу: украсили горшками с выюнами, что расплозились по железному корпусу Красиво! О Черном Дьяволе старались не вспоминать и даже легенд о нем не слагали: уж слишком много зла принес он бедным жителям.

Маленький взрыв

Сегодня 21175-й день Алешиной жизни. Хотя сам он об этом, конечно, не догадывается. Но даже если бы и догадался, то какая в том польза? Подумаешь, 21175-й – что в нем особенного? Так думают все. Так думал и Алеша. Думал...

От такого рода знаний пользы, конечно, никакой, но зато особенности хоть отбавляй. Все дело в том, что Алеша родился 2 ноября

1975 года, сокращенно – 21175. И поэтому сегодняшний день приготовил для Алеши необычайный подарок, а именно – новую жизнь. Как он ею распорядится, зависело только от его трезвой головы и жаркого сердца.

Утро

Все не заладилось с самого начала. Утро не стало церемониться со спящим Алексеем и вместо привычного яркого солнца решило разбудить его противным запахом. Почти вонью.

Не приученный к такому обхождению с собой, Алеша вскочил с кровати. Даже не потянулся со сна, а сразу же настежь раскрыл окно: «Блин, надо всегда регулярно выкидывать мусор. Что за привычка – откладывать до последнего, пока вся квартира не провоняет! Это ведь нетрудно. Нетрудно... нетрудно!»

Алеша еще не проснулся, и поэтому голову немного клинило. «Нетрудно... совсем, совсем нетрудно...» – повторял Алексей, направляясь на кухню и придерживая рукой трусы с ослабшей резинкой. По всей квартире раздавалось шуршание его тапочек. На кухне его ждал первый сюрприз: пустое мусорное ведро. Почесав себя чуть ниже спины, Алеша начал думать. А чтобы легче думалось, почесал еще разок. Но мысли были недоступны. Поэтому он решил вернуться в объятия одеяла, дабы доспать свои законные субботние часы.

Прошло время.

Алеша вновь проснулся, потянулся в лучах полуденного солнышка, принялся. Воня не было.

– Здорово, утро! – радостно поприветствовал он это погожее утро нового дня.

Утро не ответило, потому что к тому времени находилось уже в другом временном поясе. А сюда пришел тот самый 21175-й день, который немедленно послал Алексею воздушный поцелуй. Алеша закрыл окно.

«У-у-у, сквозняк какой! Так и простыть недолго», – подумал Алексей и съежился от холода.

День насупился.

Алеша глянул в окно: «Да, погодка не ахти. Сегодня не позагораешь. Фигово».

– Тьфу на тебя, – ответил день и заглянул в чужое окно на другом конце города.

«Ну вот, уже и дождик моросит. Лето называется!» – подумал Алексей и пошел на кухню.

За столом собралась вся семья: жена Марина, дочь Алена и сын Максим.

– А что сегодня утром так воняло? – спросил Алеша, намазывая масло на бутерброд.

– Не знаю, я спала, – ответила дочь.

– Вроде ничего, – сказал Максим, после чего прожевал и продолжил:

– Я как раз в инете себе курсовую искал, блин, чуть комп не разбил от злости. Нигде нет нужной инфы, везде бред какой-то.

Теперь была очередь жены Марины, но она промолчала.

– Странно, – подумал вслух муж, – я ведь от запаха-то и проснулся!

– Наверное, на улице канализацию прорвало, – подсказал сын.

Работа

У Алеши на работе была девушка по имени Света. Красоты невероятной. Чем и славилась в компании. Алексей не раз оказывал ей знаки внимания и, надо отметить, всегда оставался поощренным ее милой улыбкой. Можно сказать, она ему нравилась, а еще можно сказать, что на работу он ходил только из-за нее. А еще можно сказать, что он с радостью бы изменил своей любимой жене с этой особой. Словом, картина вырисовывалась следующая: Алеша был без ума от Светиной красоты, от ее личика и соблазнительных форм. Не проходило и дня, чтобы он не желал ее, однако сегодня все было иначе.

Сегодня от Светы так и несло тухлой рыбой. Казалось, будто где-то совсем рядом помер гигантский кит или даже два, а то и целый косяк китов. И всех их забыли похоронить.

– Привет, – улыбнулась Света, а ведь всегда говорила «здравствуйте».

– Здорово, – бросил ей Алеша и побежал в туалет, где ему стало плохо. То есть нет: поплохело ему сразу, а в туалете, напротив, полегчало. «Это ж надо так! – переживал он, вытирая от рези слезы. – Здесь и то пахнет лучше! Неужели она не чувствует? Пойду-ка я домой, а то, чего доброго, совсем кони двину».

Выбежав через черный выход, Алеша пошагал домой. Его потряхивало. Последний раз подобное он испытывал классе в пятом – когда сжег дневник.

Алексей направлялся в сторону дома.

Но дойти до дома ему было не суждено ни сегодня... уже никогда. Дело в том, что в этот день сбылась Алешина мечта: с ним случилось чудо. Но не зря мудрые предупреждают, что надо быть осторожным при выборе желаний. Алеша мечтал о чуде, и оно свершилось. Чудо совсем уж необычное. Чудо из чудес. Не банальное какое-нибудь вроде того, как научиться летать, останавливать время или стать невидимкой. Нет. Он начал чувствовать запахи человеческой души. Теперь он мог за версту учуять, кто есть кто. Вот эта дама пахнет приятно, лютиками. Значит, она хорошая. А вот от этого несет, как из садового туалета. Значит, он подлец. Все очень просто. Смертельно просто.

И чем, интересно, вы думаете, закончилась эта история?

Все намного проще, чем вы себе представляете: Алеша просто задохнулся. Едва зайдя в метро, он упал замертво. Правда, сначала подергался немного.

Я тогда, помню, стоял рядом, смотрел на него и думал: «Вот актер, кривляется еще! Точно как все: не лучше, не хуже – до последнего за жизнь цепляется». Не понимаю, зачем мы его выбрали? Наверное, случайно, хотя Ему виднее...

Ой, простите, мы же не познакомились! Я – ангел. Звать – Иль-дар. Мне 23. Рост 181 сантиметр. Глаза карие, сам шатен. Ну, кажется, всё. Вернемся в 21175-й, на станцию метро «Щукинская», где мы и оставили нашего героя.

Лежит он, в общем, мертвый, уже закоченел. А люди ходят мимо и не обращают на него никакого внимания: мол, лежит и пусть себе лежит, поди, не сто баксов упало.

Только одна старенькая-престаренькая бабушка подошла. Вся седая, как в детских сказках. И сказала: «Вот мразь».

Потом мне это надоело, и я отправился к себе.

Небо

Алешкина душа уже поджидала меня там. Алеша стоял, немного сгорбившись и наклонившись вперед. В руках у него было направление в мой кабинет – кабинет номер один. Чуть помявшись, он сказал:

– Меня к вам направили, можно? Я кивнул:

– Входите!

Он зашел и застыл на месте. Немного качался, много вздыхал. Глаза были влажные, потерянные.

Он говорил медленно, запинаясь и теребя в руках свое направление:

– Извините, меня к вам направили, Ильдар Романович. Я ничего не понимаю, не понимаю, что происходит. Где я? Сколько сейчас времени? И что мне надо делать?

Алеша, очевидно, ждал ответов, но их не последовало. Вместо этого я встал из-за стола, подошел к двери и закрыл ее на ключ, который незамедлительно проглотил на глазах у вновь прибывшего. Затем взял со стола телефон и перегрыз провод. Сам же аппарат для пущей таинственности выкинул в окно.

– Что все это значит? Что происходит? – голос у Алеши не дрожал лишь потому, что говорил он шепотом. – Это больница? Я помню, как в метро мне стало плохо!

– Плохо? Ах ты, пес! Да ты хоть знаешь, как это – плохо?! Гореть заживо под напалмом – плохо! В Африке во время засухи неделю умирать – вот это плохо! – Я вскочил на стол, пнул стопку книг, лежащих на нем. – Ты смеешь говорить, что тебе было плохо?! Да мы тебе самую безболезненную смерть предоставили, а ты, подлец, жалуешься?

Это у меня такая тактика: шок шоком снимаю. После этих сцен вновь прибывшие, как правило, собираются, концентрируются и начинают более-менее трезво оценивать обстановку.

С Алексеем так не вышло. Он все расспрашивал – как, зачем и почему. Первые полчаса я пытался как-то объяснить. Но мы все ходили по кругу.

– И чего? – начал заново Алеша, – получается, что все? Капец...

Труп... Умер.

– То-о-очно... – мне уже это надоело.

– Бли-и-ин... Это же несправедливо. Вам, понимаете, нужен был какой-то человек для эксперимента, и вы вот просто берете и убиваете меня! Да? Просто раз – и все. И нет человечки. Для вас-то я просто кролик подопытный, а у меня, между прочим, дети, жена, работа!

– Ты бы еще вечерний онанизм вспомнил... Не парься, все здесь будут. Сиди тихо, не скули. Все вы плакать начинаете, когда околаете, а пока внизу сидите, по земле ходите – даже спасибо не скажете. Свины все, свиньи.

– Бли-и-ин... Мне так хорошо жилось... – Алеша начал снова реветь. Он шмыгал носом, вытирал рукавом слезы и продолжал: – Я еще столько не успел. О господи, на что я жизнь потратил?! На суету...

Все было так бессмысленно... И почему я? Я так хочу вернуться. О-о-о! Я был бы таким хорошим, я был бы таким благодарным... я бы ценил каждую секунду и любовался бы каждой снежинкой!

– Эй, друг мой, не оттого ли ты такой печальный, что подход, как пес, на грязной станции метро? – спросил я его в вежливой, поэтичной форме.

– А-а-а!

– Ну все, хорош! Надоел! Как девочка, ей богу! Ты же боец! – мне уже начинало действовать на нервы это затянувшееся нытье. Обычно такого у моих подопечных не бывало. К этому времени все уже смирились с мыслью о своей смерти и шли дальше по кабинетам. – Давай вставай, сейчас пойдешь во второй кабинет, там тебя наладят полностью, и потом снова сюда

приходи. А чтоб тебе радостней было идти, я тебе вот что скажу: по возвращении из кабинета номер два я тебе открою секрет, как обратно на землю попасть. Ну, теперь все. Иди!

Алеша ушел, а я остался.

«Да, – думал я, – это действительно немного дико, – там, наверху, точно сдвинулись. Зачем надо было эту легенду придумывать? И смерть придумали какую-то ненормальную: умереть от сбывшейся мечты. Нет чтобы по-простому, традиционно: инфаркт, СПИД, чума... Что, зря это все выдумывали что ли?

И зачем Главному понадобилось новую планету заселять? И почему для первого эксперимента выбрали именно этого доходягу Алешу? Ничего не понимаю».

Вот такие мысли кружились в моей голове, пока нашего мальчика готовили к новой жизни. Кстати наш архдоктор – просто маг, из таких квазимод красавцев делал. И словно в подтверждение этой мысли в дверном проеме появилось совершенно новое, красивое и лучезарное лицо; это была наша секретарша:

– Ильдар Каквастамович, еще раз выкинете телефон в окно, сами следом полетите! Вам понятно?

В качестве восклицательного знака девушка захлопнула за собой дверь с такой силой, что штукатурка посыпалась и стекла задрожали.

– Эх, товарищи, дожили: заслуженного работника рая отчитывает какая-то вертихвостка. И ладно бы за дело, а то за какой-то паршивый телефон! Куда небо катится! Эх...

Тут вошел наш герой с дурацким именем Алеша. Он подошел вплотную ко мне (выглядел он уже, надо сказать, весьма неплохо) и твердым голосом начал говорить:

– Изложите, пожалуйста, цель моего здесь пребывания. Я хочу знать, зачем вы меня убили!

Ну вот, началось: все по новой. Пятый раз объясняю, а ему хоть бы хны.

Я втянул побольше воздуха и затараторил:

– Во-первых, не убили, а вызвали. Во-вторых, цель ваша уникальна. О ней мечтают миллионы, да что там – миллиарды! Вы будете участвовать в грандиозном эксперименте по созданию жизни на новой планете в соседней галактике. Вы – избранный. Вам выпала непостижимая честь, потому что ваша энергия будет использована как стартовая. То есть вы будете отцом всего живого на той планете. – Я вдохновенно ткнул пальцем вверх. Алеша зачем-то поднял голову вверх и посмотрел. Увидев лампочку, он посмотрел на меня, и я продолжил:

– Когда-то давным-давно такой же человек, как вы, дал старт жизни на Земле. И теперь во всем живом есть частица того мужчины. Так будет и с вами. Вы станете душой мира, вы будете во всем: в деревьях, камнях, белках и других людях. Вы сможете ощущать абсолютно всю биосферу. Вы сами станете биосферой! Теперь вам понятно?

Алеша слушал без интереса, все это он уже знал наизусть. Единственное что он хотел, так это спросить:

– А я могу не согласиться участвовать в этом шикарном эксперименте?

«У-у-у, достал, ей-богу, достал. Все, точно перевожусь в другой отдел. Я теряю терпение».

– Да, можешь, но помни: ты все равно придешь к нам. Но тогда может быть уже поздно. И ты не сможешь стать избранным. Не исполнишь свое предназначение. Тебе следует сделать выбор: на одной чаше весов твоя мелкая земная жизнь, на второй – целая планета. Но если ты так ценишь свою прежнюю бытовуху – на, съешь вот эту таблетку, и ты вернешься к семье.

С этими словами я протянул Лехе капсулу конского слабительного. Несчастный заулыбался и расцвел. Дрожащими руками он схватил допинг и, даже не запивая, проглотил.

Подготовка

На следующий день уволилась наша уборщица. Еще через день приехала бригада сантехников. Прошло три дня, и мы снова встретились. Алеша был хмурый и полуголый – в медицинской сорочке.

Я решил начать диалог по-дружески ненавязчиво:

– Ну что, Нео, следуй за белым кроликом, да?

Леха драться не полез и даже не шелохнулся. Значит, слабительное еще действовало. Медленно, как будто боясь спугнуть диких птиц, Алеша отвернулся.

Я ушел. Зачем добивать человека? Не такой уж он и плохой. Даже немного милый.

За время, пока мы не виделись, я даже соскучился по нему. Со мной Леха не разговаривал. И даже с начальством не особо. Ничего не ел, все сидел и думал. Ну да, есть о чем пофилософствовать: как-никак новая жизнь! Подарок. Надо решать, что с ним делать. Правда, не люблю я все эти размышления, да и мыслителей в целом. Ну и ладно, мне главное – рассказать все как было. Не забыть и не соврать.

Прошло три дня, и появился Алеша. Исхудавший и болезненный. Я подошел к нему и извинился.

– Да ладно, – по лицу пробежала улыбка. Мимолетная, но заразительная. – Чего уж там, бывает! Но ты все-таки засранец.

С этими словами Алеша отвесил мне дружеский подзатыльник и ушел к Главному.

Он клевый парень.

Солнце блеснуло прямо в глаз:

– Чего тебе? – из-под облака на стену прыгнул солнечный зайчик.

– Ну нет, не время для игр, не обижайся, у нас серьезные дела. Солнце лизнуло в щеку.

Я смягчился, но продолжал отпираться:

– Давай потом поиграем. Обещаю, как все закончим, я займусь тобой.

В комнате появился еще один солнечный зайчик и сразу же погнался за первым.

– 12 миллиардов лет – а все еще ребенок, – усмехнулся ветер.

– Молчал бы.

И тут же с моего стола взмыла в воздух пачка документов. Точно переведусь, так работать невозможно.

Событие

Все прошло как-то совершенно тихо. Без пафоса. Я-то думал, что мы Леху на каком-нибудь огромном астероиде доставим, а оказывается – нет. Он своим ходом полетел.

Долетел нормально и сразу же за дело: пошел сливаться с биоритмом планеты. И вот через 15 минут в привычном понимании Леха перестал существовать. Он превратился в единую планетарную душу. Во как! Не каждому такое дано, а ведь он еще и отпирался!

Чуть позже появились первые бактерии. Вот начальство тогда обрадовалось! А Главный пуще всех: целый день тыкал фигой в книжки советской России, приговаривая: «Шиш вам с маслом!»

На данный момент планета практически готова. Осталось только людей заселить. А старую – на реконструкцию. Вот только мы с названием еще не определились, но Главный думает именовать ее Смаэлира, что в переводе с нашего означает «Благоухание». И это справедливо, ведь говорят, что там не будет ни одного неприятного запаха. Что, мол, там очень много цветов. И что даже воздух там пахнет очень вкусно. Хотел бы я туда на отпуск сгонять! Но это мечты, еще столько дел...

Ну, вот, кажется, и все.

Увидимся!

Купаясь в рыжем небе

Обычно в сказках рассказываются истории о далеком прошлом. Мне же поведали о том, что произошло буквально вчера. И предупредили: история эта еще не раз повторится.

Пуще того, в то время, пока ты будешь слушать наш рассказ, всё, что описывается в нем, и сейчас происходит в реальной жизни сплошь и рядом.

Может быть, даже в твоём подъезде.

Если в вашем доме живет мальчуган двенадцати-тринадцати лет, то наверняка он узнает себя в этой истории.

Может быть, и вы не настолько стары, чтобы успеть забыть себя в этом возрасте, и помните, как нечто подобное происходило и в вашей жизни.

А если так, то было бы очень интересно: какой путь выбрали бы вы? Тот же, что и наш герой – мальчишка по имени Берд?

Берд родился и жил в королевстве, где люди стали настолько сильными, что перестали верить. Вера была признаком слабости. Зачем во что-то верить, когда все знаешь наверняка?

И тот, кто оберегал людей всю их жизнь – с пеленок до седых волос, но никогда не показывался на глаза, сильно заболел. Без веры тот, кого не видно, – умирает. Он таял. Но разве можно было уйти, оставив людей без присмотра, по-настоящему наедине с собой? Нет, тогда жди беды: крестьяне захотят стать вельможами, вельможи – королями, короли – богами.

«Что можно оставить вместо себя? То, что люди любят всем сердцем. То, на что любят смотреть, в чем никогда не разуверятся». Нескоро, но размышления все-таки привели его к ответу. «Камни! Вот что завораживает людей, вот что придает им силы! Вот что они любят всем сердцем – камни!» Казалось, это верное решение. «Их отчетливо видно, они магически блестят, их можно потрогать, а значит, нельзя усомниться в том, что они есть. Вот они – перед тобой!»

И умирающий оставил людям Волшебный Камень, который должен был следить за порядком в государстве.

Он передал Камню все свои знания, всю мудрость и опыт, но наградить способностью чувствовать не смог. А ведь то, что мы чувствуем, тоже является знанием.

Камень отлично справлялся со своими обязанностями и совсем не уставал. Ради того, чтобы в Королевстве не было зависти, несправедливости и нужды, он обеспечил все семьи одинаковыми домами, одинаковым количеством скота, одинаковой заработной платой, одинаковым правом и одинаковой свободой. Ради их же счастья.

Но вернемся к нашему другу, парнишке по имени Берд. Природа наделила его великим даром – он мог покидать свое тело и вселяться в другие тела. Мгновение – и Берд уже не худенький мальчуган, а сочный зеленый подорожник, что растет на поляне и пьет росу!

Был Берд и дубом, и леопардом. Но больше всего мальчику нравилось быть беркутом. Парить в небесах и наблюдать за всем сверху. Мальчик так часто отпускал свою душу полетать по просторам, что она привыкла к свободе и больше уже не могла тесниться в узкой груди подростка. И, как это часто бывает, дар превратился в проклятье. Берд страдал: он не мог жить спокойно, ибо познал вольный вкус ветра. Он знал, как прекрасно парить в небесах, бросать тень на дворы. Почувствовав небо на ощупь, он не мог больше жить в грязи. Берд не раз пытался поговорить о своем даре с мамой.

– Мама, мы можем жить по-другому. То, что есть сейчас, – этого так мало! Мир такой большой! – говорил он маме и с жаром предавался рассказам о своих удивительных путешествиях в других телах. О том, как много он узнал, глядя на мир чужими глазами.

– Мама, я хочу научить этому людей. Я не хочу быть извозчиком, как мне поручил Камень.

– Нет! Что ты, сынок! Тогда тебя накажут и отправят в тюрьму! Разве ты хочешь в тюрьму?

– Но, мама, почему я должен слушаться Камня, если он даже не живой?

– Не говори так! Ты хочешь, чтобы нас всех за измену в тюрьму посадили? Камень очень умный, он знает, как лучше, он о нас заботится. Разве ты не видишь, какой он большой? Как ослепительно сияет? – мама отодвинула занавеску, чтобы огромный Камень, стоящий на пьедестале посередине площади, было хорошо видно:

– Ты видел?

– Да.

– И что? Хочешь сказать, его свет, способный заслонить само Солнце, не вселяет в тебя уверенность?

– Когда я окунь или крот, то нет.

– Опять всё шуточки да прибауточки... – мама даже не отвлекалась от чистки картофеля.

– Мама, я не шучу, – чуть не плача зывал Берд. – Это на самом деле. Камень не такой уж и хороший. Разве можно быть хорошим, заставляя меня делать то, чего я не хочу? Я не хочу быть извозчиком! Не хочу, не хочу, не хочу!

– Ты просто маленький еще! Подрастешь – поумнееешь, сынок. Не капризничай, лучше помоги мне картошку почистить. Я так устала: весь день помидоры окучивала!

Не передать словами, как было обидно маленькому Берду.

Никто, даже мама, не способна была понять и почувствовать его боль. А если не мама, то кто?

Берд убежал в свою комнату и уткнулся в подушку. Все проходит, все проходит – учили его взрослые.

Он колотил руками пух и кричал сам себе: «Ничего не проходит, не всё, становится только хуже! Меня никто не понимает. Я совсем один, как тот потерянный одинокий кит, которым мне однажды суждено было быть». Собратья не слышали его сигналов. Они были на частоте, недоступной остальным китам, и оттого несчастный с детства плавал в огромном океане один-одинешенек. «...И меня не слышат. Видимо, такое бывает не только с китами».

Слезы вымывали остатки надежды. «Лучше не будет: все слушаются только Камня, и меня также заставят. Или посадят в тюрьму. Никто не станет слушать меня, десятилетнего мальчика. И тем более никто не станет слушать себя».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.